

Игорь Самойлов

Синие звёзды

(Записки чернобыльца)

Annotation

Теперь мне трудно претендовать на абсолютную непогрешимую точность описания в датах, в фамилиях и хронологическом порядке событий. Я думаю, что это сейчас и неважно, прежде всего, для меня, ведь эти записки – своего рода психотерапия, которая позволит, хотя бы немного ослабить тот психологический груз, который давит в повседневной жизни на любого чернобыльца, афганца, другими словами – «ветерана и участника», (как пишут в наших удостоверениях), переложив его на бумагу.

Предисловие автора

Мне очень часто снится один и тот же сон. Якобы меня неожиданно призывают в армию, и я в толпе, таких же, как и я сам - одинаково беззащитных человек в военной форме, начинаю доказывать кому то, что я - офицер. И опять малюю, малюю шариковой ручкой на суконных солдатских погонах синие офицерские звезды, как тогда в мае 86...

Писать о черныбыльских событиях неблагоприятное занятие, особенно более чем через уже два десятка лет. Память человеческая - ненадёжная штука, которая начинает подводить хозяина уже через несколько минут после события, а тем более спустя такой длительный промежуток времени.

Поэтому, данные записки скорее являются попыткой передать те ощущения и переживания, которые врезаются в самую сущность, в подкорку человека навсегда. Эти переживания преследуют каждого пережившего подобное на протяжении всей жизни. То в навязчивых, повторяющихся чуть ли не еженощно полуснах. Которые, по сути своей, вроде и не являются кошмаром, но после пробуждения среди ночи оставляют после себя такое чувство неясной тревоги и опасения, что невозможно заснуть от прокручивания в уме то - ли сонного бреда, то - ли реального и такого уже давнего воспоминания в долгие часы до рассвета. Или, вдруг, заставляют внезапно остановиться посреди многолюдной улицы от такого знакомого и нераспознаваемого в своей тревожности запаха или звука...

Глава 1. Прощание славянки

26 апреля 1986 года. Я отлично помню весь этот день. «Утро туманное, утро седое...». Холодный туман в Харькове продержался от рассвета до полудня. Нас, с моей молодой женой, пригласили на свадьбу моей коллеги Ольги именно этого числа. Это была суббота. Мы приехали на посёлок ХТЗ часов в двенадцать дня. С утра было сыро и мерзко, но после часа дня вдруг распогодилось и стало неожиданно, по-летнему, тепло и все вышли из дома. Веселье продолжалось во дворе дотемна, и настроение было особенно приподнятое и тёплое и от отмечаемого события, и от внезапного весеннего тепла...

С 28 апреля по 5 мая я взял у директора своего института несколько дней за свой счёт, чтобы съездить в Гудауту, к родителям моей жены встретить с ними майские праздники. Мы вылетели из Харьковского аэропорта рейсом "Харьков - Сочи" 7429 и в девять утра были уже в цветущем Адлере. Нас на своей машине встречал мой тесть. Мы ехали по шоссе, кругом невероятно - сказочные пейзажи весенних субтропиков и из машинного приёмника вдруг «сообщение ТАСС»... Каждый советский человек, тут же непроизвольно, настораживался и вслушивался в каждую фразу подобного сообщения: «Авария...», «...Чернобыльская АЭС...», «...частичное разрушение активной зоны реактора, с выходом продуктов распада в атмосферу...», «...погибли два человека...», «...эвакуация населения...». Между слов читалась напряженность ситуации и неординарность события. Для меня, как химика, было абсолютно понятно, что ядерный реактор не может просто разрушиться, ведь это немыслимо! Такие устройства проектируются с максимальной защитой от именно подобных происшествий, а тут погибли люди! В телевизионных новостях говорилось о контроле над ситуацией, и это меня немного успокоило. (Я даже не мог себе представить, что под словом "контроль" подразумевается дистанционное наблюдение начальства над естественным ходом развития событий!).

Мы отлично провели это время, где я в первый (и, как оказалось в последний!) раз увидел, как проходит такой светлый для каждого советского человека ("совка") праздник Первомая в национальной (теперь супер - национальной!) автономной республике, и вернулись в совсем другой Харьков.

В городе была очень тревожная атмосфера. Мой шеф рассказал о некоем закрытом письме обкома партии, в котором рекомендовалось соблюдать меры радиационной безопасности, т.е. плотно закрывать окна и двери, проводить влажную уборку, на открытый воздух выходить только в головных уборах и т.д. Я поспешил в больницу, куда положили мою жену, чтобы предупредить...

15 мая я сходил в холодногорскую баню, и обедал с женой, когда в дверь позвонил некий капитан и вручил мне повестку, в которой значилось, что я обязан 16 мая явиться в районный военкомат для убытия на 45- дневные военные сборы. Я все понял - обычно капитаны не разносят повестки, собственно они вообще не должны это делать, а уж если принесли, то...

Утром я поехал на работу в университет, показал повестку, надеялся - может быть удастся «отмазаться»? Но "шеф", после переговоров с начальником второго отдела (в СССР при каждом учреждении был отдел по призыву в армию – 2, а 1отдел – КГБ), генералом в отставке, сообщил мне, что ничего нельзя сделать и посоветовал использовать этот шанс для поступления в Коммунистическую партию! Я немедленно звоню жене на её работу в школу и сообщить, что уезжаю сегодня...,

Ближайший поезд на Киев отправляется 16 с чем – то, а уже около часа дня! Я в панике накручиваю диск аппарата, практически без надежды застать её на работе. Увидаться бы!

О чудо! Телефонный автомат доносит её далёкий голос. Вкратце объясняю ситуацию: что срочно забирают на военные сборы, что уезжаю, что сейчас, что времени нет.

Через полтора часа уже встречаемся на перекрёстке «Ярославской» и «Свердлова». В руках у неё сумка с моими вещами и кулёк с провизией. Когда только успела?

Любимые карие глаза наполнены слезами. Обнимаю возле ствола старой липы и пытаюсь, как могу успокоить. Что-то не получается, - всё равно плачет! У меня тоже комок в горле, как могу пытаюсь сдержаться от слёз, ведь мужчины не...

Сейчас вспоминаю, что вокруг нет людей! В городе непривычно пусто!

Рвётся провожать меня на вокзал...

Убеждаю, что не надо, что долгие проводы лишние слёзы... Проклятый комок! Прощаемся у входа в облвоенкомат.

Навсегда врезалось в память:

...По улице «Ярославской», в сторону «Благовещенского базара» под деревьями с молодой листвой, идет молодая женщина с высоко поднятой головой. Оглядывается – вижу, что по щекам текут слёзы. За неё отдам свою жизнь. Чёртов комок...

Уже знакомый капитан, в пустом коридоре облвоенкомата, кидается ко мне, как к родному! Только теперь понимаю, что уже очень многие проигнорировали аналогичное приглашение «мамы-Родины» встать на её защиту. Знакомимся ближе, зовут - Игорь. Возле окна выслушиваю добрые советы «бывалого»:

- Чтобы не геройствовал.

- Чтобы сам не лез, куда не посылают».

- А то ему, бедному, хватает работы разносить ордена безутешным вдовам и потерянным от горя матерям неизвестных героев Афганской войны. Сия речь, немедленно, была усилена демонстрацией, извлеченных из кармана брюк, двух картонных коробочек с орденами «Красной Звезды»! Я на всю жизнь сердцем впитал этот штабной «оптимизм» кадрового офицера...

В пустынных коридорах военкомата я познакомился со своими будущими попутчиками в поездке на Киев и далее. Это были 3 человека (собственно 2 и абсолютно пьяный майор). Люди ехали в Чернобыль, а майор в Киев, в штаб Киевского военного округа на разборку пьяного дебоша, который он устроил, разбив казенную пепельницу о голову военкома Октябрьского района г. Харькова. Скандал вышел из рамок района, поскольку была вызвана милиция, "скорая" (акты, бумаги). Сложная жизнь у профи...

В одном из кабинетов мне на руки выдали личное дело, проездные документы в Киев и далее в Белую Церковь. Я с интересом полистал тоненькую папочку с разными бланками и формами, где на каждой странице моё дорогое «ФИО». К корешку картонной обложки был прикреплен мой «смертник», алюминиевая пластинка с выбитым номером «Р-066921». Шевельнулась подлая мыслишка, что если я сейчас с личным делом, с карточкой убытия на руках исчезну, то никакое КГБ, милиция и т.д. меня просто искать не станет. Я для Государства просто исчезну... Но, я химик, меня учили этому 9 лет, я офицер, я люблю эту Женщину. В душе появилось ощущение азарта и упрямой решимости пережить это время по СОВЕСТИ и ОБЯЗАТЕЛЬНО вернуться.

Вчетвером пытаемся решить, кому идти за спиртным, а кому за билетами. Мы с Витей, вызвались за билетами.

В 1986 году купить спиртное после полудня было просто чудом: Горбачёв и его борьба за трезвость. Майор покачал головой и с Владимиром Николаевичем двинул за вином по известному только ему маршруту. Встречались возле поезда «Харьков-Киев». Абсолютно пустой перрон, вагон №6, купе.

16 мая 1986 года, кроме нас четверых и проводницы, женщины лет 35, на Киев никого. Пьем с проводницей молдавский портвейн «Белый Аист», закусываем россыпью фундука от гостеприимной хозяйки вагона. Хмель не берёт...

Глава 2. Первый выезд

Как ни странно, но я попал Чернобыль в период относительного затишья (18 мая 1986 года).

Видимо, после горячки первых дней, начальники лихорадочно решали, что же делать дальше. Поэтому, попасть в "Зону" в это время было весьма проблематично. Чего только стоят устные, спускаемые "Сверху" распоряжения командира батальона:- "Не пускать (в смысле не зачислять в формируемую дезактивационную команду) в "Зону" водителей БРДМ", т.к. они могут понадобиться в более горячей обстановке!

С другой стороны, нас подняли по боевой тревоге в 4 часа утра 19 мая т.к. загорелся какой-то кабель на 3 энергоблоке, что могло привести и к его взрыву. И мы просидели, в медленно накаляемых солнцем бронированных машинах, не смея вылезти до двух часов дня, ожидая рокового для некоторых (а может быть и для меня!) приказа выехать на разведку возможно взорвавшегося 3 энергоблока.

И вот вчера Сергей Смыкалов, командир второго взвода, предложил мне выехать вместо него на пристань. Я согласился немедленно, т.к. для себя я сделал вывод, что лучше заниматься конкретной работой в "Зоне", чем "околачиваться" в лагере. Я поймал себя на мысли, что это со мной уже когда то было (дежавю!). Но вспомнил, что это - из воспоминаний моего деда фронтовика - сталинградца Ивана Ефимовича. Он мне рассказал, что самые угнетающие воспоминания о войне у него остались не о боевых действиях, страхах и ужасах боёв в которых он участвовал на фронте, вшей и грязи окопной жизни, а месяцах, которые он проводил в тылу, во время переформирования частей, от тупой безысходности примитивных приказов начальства и бесполезной муштры.

Действительно, та неделя, которую я как командир взвода радиационной и химической разведки провёл в лагере без конкретного дела, развлекая своих и чужих солдат, ежедневными рассказами о сути радиации (попробуй подобрать доступные термины для понимания глубокого колхозника!): "Альфа, бета, гамма, гамма, бета, альфа, ДП5-В...". Б-рр..! Пыльно, скучно и тоскливо! И я уже к концу пятых суток изнывал от такого безделья в лагере.

А ведь меньше недели назад, на меня производили пугающее впечатление те цифры, которые произносили «бывалые» после выезда в "Зону". На вопрос: «Сколько?» следовал ответ -5, 8, 10 рентген за выезд! Я с ужасом проецировал на себя те последствия, которые могут быть у меня, если я вдруг получу такую «огромную» ежедневную дозу..."А может быть, я смогу пересидеть в лагере те два месяца, которые значились в повестке и не получить дозу?" - постоянно вертелась в голове "мыслишка".

Но теперь, всего менее чем через неделю, острота опасности радиации резко притупилась. Ведь, она присутствует здесь везде. Только включи ДП-5В и стрелка упрямо движется к отметке 2 миллирентгена в час фона на первом поддиапазоне, если измерять возле собственной койки. Однозначно, что без «дозы» никто отсюда домой не уедет. Об этом прямо говорит наше, и многочисленное (как мухи об мёд), приезжее начальство, по-военному бодро: «Дома своих баб е... будете только через реактор!» Разговоры в лагере только о магической цифре – "25" рентген, полученной дозы, только тогда ты выполнил свой священный долг перед Родиной (похоже навсегда) и можешь отправляться домой!

И вот это - воистину щедрое предложение Серёги! Так, что это - мой шанс, и я его не должен упустить!

Мы тут же пошли к ротному Петелину в соседнюю палатку. Старший лейтенант лежал вытянувшись во весь свой немалый рост на койке. Я услышал его вялую словесную перепалку с ротным старшиной прапорщиком Черным, который в палатке устроил вещевой склад. Учитывая, что из прачечной возвращали простыни и портянки во влажном состоянии, а вывешивать на открытом воздухе это богатство было нельзя ("Осторожно радиация!"), то в палатке уже чувствовался некий несвежий аромат, и ротный командир выражал своё недовольство, не стесняясь в выражениях, которые были слышны даже вне тонкой парусины.

Откинув полог, мы вошли в темноту палатки. «Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?!» - «Самойлов, ты это, короче...» – поморщившись, будто я оторвал его от любимого занятия, сказал Петелин. Я вкратце объяснил ситуацию с Серёгой:

- что он устал от работы в "Зоне"

- что уступает своё место в "Зоне" мне.

Серёга в это время, как-то неуверенно кивал. Петелин почесал, как Никулин в «Кавказской пленнице» пятку и, после недолгой паузы, выдал: «Не возражаю... Только ты смотри там,... по -аккуратнее!». Я понял, к чему он клонит.

О пристани в бригаде ходили нехорошие слухи. Там "радиация" упала очень пятнисто и можно было элементарно вляпаться, если внимательно не следить за радиационной обстановкой...

"Глубоким" утром (часа в 3 ночи) меня разбудил помощник дежурного по батальону.

Я пошел в командирскую палатку, где на планерке мне растолковали боевую задачу на "завтрашний" день.

Всё было предельно просто.

-Сегодня встаёшь в 4 утра "оправляешься".

-В 5 утра, будишь водителей, чтобы подготовили и прогрели машины к выезду, и после завтрака собираешь людей из 3 разных батальонов, сажаешь их в машины.

-Составляешь военную колонну из своих 4 БРДМ, 2 пожарных машин, одной пожарной автолестницы (впрочем, это – "приданные средства", и у них есть свой командир, который подчиняется тебе) и...

- И вперёд, по маршруту «Ораное – Дитятки – Черевач – Чернобыль – город Припять»!

- На выезде из города Чернобыль, возле "Сельхозтехники", тебя будет ждать некий майор Пащук, который расскажет тебе о том, что тебе предстоит там делать.

- Не забудь его захватить!

Утром, пока я действовал на территории нашего второго батальона, всё было нормально, но когда дело коснулось приданных средств... Кто? Где?

Прошу командира батальона: (что немыслимо для кадрового военного) помочь в организации!

"Делай как я!" – просто сказал майор Ишин. Потом добавил, чтобы я впредь больше никогда с подобными вопросами, которые касаются командования вверенными мне войсками, я к высшему командованию не обращался!

Затем очень быстро, (я едва успевал в своей "кирзе" бегать за ним по песку бригады, запоминать обороты ненормативной лексики, которую он применял при разговоре с офицерами, которые должны были мне выделять людей и технику) он составил мою колонну возле КПП.

Выехали...

И вот я, предъявив голубенький картонный пропуск на КПП "Дитятки", заезжаю в страшную и загадочную "Зону". Еду, с интересом рассматриваю дорогу и окрестности через двадцатикратную оптику командирского места БРДМ. Мимо проплывают брошенные людьми сёла. На скорости около 100 км/час только успеваю читать на бело-голубых знаках:

"Дитятки", красным перечеркнуто "Дитятки",

мост через реку Уж,

"Черевач", красным перечёркнуто "Черевач",

"Залесье", красным перечёркнуто "Залесье", "Чернобыль"...

Майор Пашук оказался мужчиной чуть больше 30 лет, назвался Витей, и пригласил меня осмотреть чернобыльскую "Сельхозхимию" и "Сельхозтехнику" на предмет отыскания чего - ни будь полезного, для дезактивации пристани в городе Припять. Полезного, в уже изрядно разграбленных складах, оказалось немного. Родина при моём участии оскудела на 40 пар рабочих рукавиц, пару лопат, мешок щавелевой кислоты и барабан "марганцовки". На последних двух пунктах настоял Витя. Он закончил Саратовское училище химзащиты и из всего курса хорошо запомнил, что для дезактивации ОВ необходимо поливать зараженную территорию вначале окислителем, а потом восстановителем!. Лейтенанту с университетским дипломом химика спорить с майором химвойск абсолютно бесполезно.

Материально ответственный завсклад долго бегал за нами по пятам и упрашивал, чтобы мы оставили хоть какую-то подпись в его огромной ведомости. Для меня это было немного странно, потому что, к этому времени из "Зоны" вывезли около 300 тыс. человек, которые бросили всё! А этот кладовщик пытался, наверное, уже в который раз списать безвозвратно утерянные, и списанные Государством ценности!

Спрыгнув во внутрь машины и закрыв на рычаг свой командирский люк, я приказываю сделать тоже самое водителю. А стрелку приказываю дёрнуть чеку нагнетателя, я приближаюсь к эпицентру Аварии и, чтобы ни одна радиоактивная соринка не проникла во внутрь нашего колёсного бронированного убежища. Все по инструкции о действиях командира мотострелкового взвода в условиях радиоактивного заражения!

Впервые для себя столкнулся с попыткой прямого неподчинения со стороны водителя и пассажиров: "Командир, не надо!!!" Штатный экипаж моего маленького БРДМ2-РХ №121 составляет всего 4 человека, а с учётом "приданных средств" в машине уже было около полутора десятка мужиков, которые к этому времени успели разуться, и намотать свои портянки поверх голенищ сапог. Тут же пресекаю бунт своей длинной тирадой (и с матом!). Мигом послушались и исполнили! С закрытыми люками дышать сразу стало как-то тесно, но едем...

Бело – голубой знак "Лелёв" Слева, внезапно из-за деревьев посадки появляются какие-то, космических масштабов, металлические конструкции. "Она?" – спрашиваю я. От водителя только отрицательный кивок. Едем... "Лелёв" перечеркнутый красным!

На бело-голубом: "Копачи"...

Справа, впереди градири, как на обычном химическом комбинате. Огромные башенные краны, недостроенные литого бетона конструкции. Водитель: "5, 6 энергоблоки"

"Копачи" – перечёркнуто красным...

Лес. Над лесом, справа – непрерывный ряд огромных панельных зданий. Ближнее – с голубой полосой. А дальнее, которое с розовой полосой, полуразрушено и обгорело.

Водитель говорит: "4 блок".

В командирский двадцати-кратного увеличения прибор (с интересом) рассматриваю подробности: от крыши машинного зала наверх, к обгорелым конструкциям, тянутся пожарные рукава. Всё, как утром 26 апреля.

Смотрю на стрелку прибора – 300 мР/ч.

Водитель предупреждает: "Дальше - "Желтый лес"!".

Поворот направо. Водитель даёт максимальный газ. Стрелка моего прибора, тут же - со звоном: "зашкалила"! Моментально переключаю поддиапазон прибора - 16 Р/ч. И - это внутри! Коэффициент ослабления гамма-излучения брони нашей машины всего 4!

Справа и слева вдоль дороги стоит лес огромных мачтовых сосен с хвоей необыкновенного для мая месяца жёлтого цвета. Впереди маячит бетонный указатель г. Припять.

Сворачиваем налево. Шоссе по сторонам ограничено такими же огромными, но уже нормального цвета соснами.(30 мР/ч). Выскакиваем на горбатый мост над железнодорожными путями, слева станция Янов. Впереди, чуть поперек дороги стоит брошенный трактор "Беларусь" с распахнутой водительской дверцей. На асфальте сиротливо валяется засаленный ватник, убежавшего тракториста, а над ними возвышаются белым хороводом многоэтажки покинутого жителями, современного, панельного города.

Глава 3. Животные

Спустя столько лет, прошедших после аварии на четвёртом энергоблоке, меня не покидает одно воспоминание. Наверно это важно.

Все знают, что эвакуация города Припять прошла очень быстро, людям дали на сборы очень короткое время. Люди уезжали на пару дней, и навсегда... А, как – же домашние любимцы и баловни? Их оставили.

Я в зоне домашних животных увидел 18 мая в селе Андреевка, куда по ошибке, проскочив по трассе Ораное, где находилась искомая 25 бригада, заехал водитель нашего грузовика. В Андреевке находился штаб оперативной группы ликвидации аварии на ЧАЭС. Меня приятно удивило поведение петуха, который, не смотря на желто-чёрные знаки радиационного заражения живо интересовался курицами в достаточно большом количестве бродивших по безлюдной улице возле школы эвакуированного села...

Прошло менее недели, и я руковожу дезактивацией пристани в г. Припять. Обед для моих солдат должны были привозить в отель «Полесье», где располагался дозиметрический пост, посылавший сведения в МАГАТЭ о радиационной обстановке в центре города. Людей, на суточное дежурство я регулярно выделял из своего взвода.

С большим интересом в первый раз осматриваю покинутый город. Фильм Тарковского «Сталкер» по сравнению с увиденным – отстой! Сейчас сказали бы – «бомба». Только это - нейтронная бомба. На балконах домов висит развешанное после стирки бельё, оно ещё белое. В форточке чей - то кухни промелькнула заботливо завернутая в ещё чистую марлю таранка, приоткрыты для проветривания форточки и балконные двери в современных панельных домах. В окнах зеленеет алое и только остовы засохших на подоконниках других растений показывают, что хозяев нет уже несколько недель.

Поворачиваем направо, центральная площадь. Поперёк висят транспаранты с чем-то «первомайским» («МИР-ТРУД-МАЙ», «ДОСТОЙНО ВСТРЕТИМ...», точно не помню).

Большая площадь, готель, припятский горком партии... Между двумя зданиями – высокая антенна радиостанции на базе БТР.

Разворачиваемся и подкатываем к крыльцу. Неприятно поражает вид разбитого углом стекла витрины ресторана. Сквозняк сквозь полуметровый проём на улице колышет плотную штору. Заглядываю. Внутри на полу рассыпаны мельхиоровые вилки и ложки. Вдруг понял - следы мародеров. Искали спиртное и деньги. В душе закипает слепая ярость... (До сих пор готов задушить собственными руками!) От этих мародеров начался распад Великого славянского государства. Пока одни пытаются сохранить наследие дедов, эти шакалы выхватывают из живого, ослабевшего тела теплые куски, прикрываясь лозунгами реформы и демократии. У меня сжимаются кулаки от собственного бессилия в этой исторической непоправимости...

Заходим в фойе. Справа за стойкой сидит «портье» - боец из моего взвода, за спиной ячейки с ключами, на столике ДП5-В. Здороваемся неформально (не как командир и подчинённый) за руку. Расспрашиваю, что нового в зоне. Рассказывает, что приходила старушка и просила хлеба! Г. Припять, 24.05.86, закрытая зона, эвакуация прошла почти месяц назад, а возле постов ходят голодные старушки! Бойцы её, как могли, накормили, дали буханку солдатского хлеба, расспросили. Оказалось, что не стала

эвакуироваться, (ведь всех увозили на несколько дней!), запас макарон и тушенки, пригодился человеку, в молодости пережившему голод. Когда все уехали, то запасливо набрала в ванную воды, а для защиты от радиации на окна панельного дома навесила простыни!!! Старая женщина прожила в пустом городе практически месяц и только необходимость ХЛЕБА выгнал её из убежища в поисках ЛЮДЕЙ.

Приехал БРДМ с «расходом». Два термоса, один с борщом, второй с кашей, лоток серого хлеба, картонная коробка консервов в солидоле - рацион двадцати героев Чернобыля. Отдаю свою ложку и котелок какому-то «растяпе», солдат без ложки – хуже дезертира! Аппетита нет, взял кусок хлеба, банку открытой тушёнки и прихваченным из дома туристическим ножом с вилкой заталкиваю в себя немного еды. Слева от входа междугородний телефон-автомат. Снимаю трубку и ... гудок! Сердце забилося, неужели услышу родной голос? Набираю код Харькова, номер соседки, в пальцах нервно кручу пятнадцатикопеечную монету... успеть при соединении вбросить в автомат и нажать кнопку. В трубке треск, звуки соединения... Никто не берет трубку! Чудеса в этом мире бывают редко.

Расстроился, спрашиваю у «портье», где выбросить остатки еды, он показывает на служебный туалет. После отключения воды в городе не работает канализация. Я не рискнул зайти в зловонное помещение, заполненное нечистотами и отбросами. Выхожу на улицу. С невысокого крыльца вижу виляющую хвостом рыжую дворняжку. Вилкой выковыриваю на бетонные плиты из жестянки жилы и лавровый лист солдатских консервов, бросаю кусок хлеба, банку кидаю в кусты газона. Бойцы последовали моему примеру...

На следующий день собак было уже несколько, они были разных пород и откровенно боялись подходить к крыльцу днем... Но в городе пошел слух, что жизнь возвращается...

Еще пару дней мы приезжали к готелю, а ситуация шла по нарастающей. Пока нам не подвозили еду, площадь перед гостиницей была пустынной. После приезда БРДМ с едой ото всюду, как тени молча появлялись собаки, собирались и ждали, пока солдаты не вычистят котелки на бетон с крыльца. Это уже были не только дворняги, но и доги, овчарки, сенбернары, таксы и болонки.

Я с удивлением наблюдал, как без людей животные сами организуются. Впереди сидела уже знакомая дворняга, за ней широким полукольцом окружали наши БРДМы собаки самых крупных пород - благородные мраморные доги, лохматые сенбернары, немецкие овчарки... Очень ровно, соблюдая дистанцию примерно метров семь от первого полукруга сидели и смотрели не моргая терьеры, спаниэли. Третий круг образовывали мелкие таксы, болонки... Вдали, возле домов на противоположной стороне площади в кустах мелькали кошки. Собаки на них никак не реагировали, всем своим видом показывая, что они верные воспитанные слуги своих ненадолго отлучившихся хозяев и только жестокий голод заставляет их кланчить куски...

А на завтра сквозь респиратор я почувствовал запах пороха. По всей дороге встречались люди мышинного цвета робах с двустволками. Они ходили по улицам, заходили во дворы. В Череваче, Залесье, Лелёве, Копачах, Припяти гремели выстрелы.

К крыльцу больше никто не вышел. В этот город никто, кроме птиц не вернется жить. Город умер.

Весь обратный путь по трассе Чернобыль – Киев километры обочины в трупиках собак, которые загружали в мусоровозы люди в мышинном...

Возле поворота на грунтовку, ведущую от Копачей на станцию в глубокой пыли купается собака, выгибаясь всем телом от нестерпимого зуда или боли, поднимается, отряхивается. Вижу – половина тела совсем без шерсти, гладкая, белая с голубизной кожа...

Надпись на заборе мелом: «Не обижайте Жучку, она добрая, она совсем не кусается», калитка распахнута...

Глава 4. Перелетная птица

Этот вечер, в самом начале июня 1986 года ничем не отличался от вчерашнего, или других вечеров возле села Ораного, в полевом лагере 25 бригады химической защиты. Уже третий день воздух был наполнен веселым гулом хрущей (майских жуков).

Эти крупные светло-коричневые жуки наполнили все пространство вокруг, ежесекундно ударяли меня в лицо в своем любовном танце. Но легкие удары, даже не удары, а прикосновения не раздражали, а заставляли улыбнуться той силе любви, которая поднимала эти хитиновые фасолины в воздух в поисках возлюбленной и швыряла их в тебя щедрыми горстями.

Жуки от удара падали на землю, но тут же с низким гулом взмывали в воздух, чтобы занять свое место в этом бесконечном хороводе жизни.

Я подошел к своей палатке.

Сергей Смыкалов, сидевший на крае ее дощатой обрешетки, чего то мурлыкал себе под нос, пришивая свежий подворотничок на хб с двумя синими звездами младшего лейтенанта, которые он нарисовал на погонах шариковой ручкой. Размер этих звезд был посередине между майорскими и генерал-майорскими. Но такое отступление от устава никого не волновало. Ведь, глупо тратить личные деньги в автолавке на уставные звездочки, если все равно, эту робу завтра ты, возможно, будешь вынужден выбросить из -за превышения уровня радиации на ней!

Он, привстал с порожка пропуская меня во внутрь палатки, при этом он продолжал, напевать, что то мелодичное и очень знакомое.

Я сбросил с себя ОКЗК, в котором я ездил в зону и переоделся в такой же, но чистый, не радиоактивный. Звезды у меня были такие же синие, как и у Сергея, но их было по 2 на погон.

-Что ты поешь? спросил я

Сергея не обратил на меня внимания и продолжал чего то мурлыкать под нос, выводя своей иглой крупные нитяные стежки поверх лоскута простыни, который выдал старшина роты господам-офицерам на подворотнички.

Сима Гринберг и Олег Ильин, укрывшиеся от жуков, своих бойцов и начальства внутри палатки тихо рубились в преферанс. Им не хватало третьего.

Сима предложил мне присоединиться к их компании.

Я, к своему стыду, был вынужден признаться, что не умею.

Мой ответ, был воспринят с хохотом и шуточками, типа: "А как ты офицером стал, если в преф не играешь?".

Я не стал выкобениваться и согласился принять участие в игре. Мне, вкратце объяснили суть терминов "пас", "вист", "мизер", "торг", причем слова "*****" и "*****" было каждым вторым в правилах этой настоящей офицерской игры.

-Слушай пой громче, или уё...й, неожиданно взорвался Олег. Мы уже привыкли, что у каждого из нас происходили такие вспышки гнева. Радиация и психологическая нагрузка давали о себе знать.

Сергея не стал спорить и запел в полный голос:

Отшумело, отсмеялось и неведомо куда умчалось лето,
И уже улетела давно поздних стай вереница.
Почему же ты осталась с невесёлой песней недопетой?
Одиноко сидишь под окном, перелётная птица...

Голос у Сергея неожиданно оказался очень приятного тембра, а слух - абсолютный, а мы ошеломленные застыли с картами в руках...

Перелётная птица, одинокая птица
Эту боль мы разделим с тобой на двоих.
Горько думать, что в мире ничего не случится,
Если он не услышит больше песен твоих.

У меня защемило сердце, перед глазами проплывали картинки прожитого дня:

оставленный жителями новый город, убитые собаки...

Безлюдные улицы этого города были наполнены звуками ветра, шуршали простыни на балконах, хлопали открытые окна. При особенно сильных порывах слышался звон разбитых стекол, будто огромная, смертельно раненная, птица пытается стать на крыло...

Я понял, что этот город навсегда стал для меня похож на птицу, которая не смогла вырваться из радиоактивного плена за своей стаей.

Может, крылья подустали? Оба мы отстали, друг, от стаи,
Но не можем жестокой судьбе без борьбы покориться.
Успокой свои печали и лети в заоблачные дали.
До конца будь верной себе, перелетная птица!

Эта песня до сих пор, вызывает у меня бурю эмоций. Почему то я себя все больше отождествляю с этой птицей и с этим городом. Это песня дает мне силы в самые тяжелые моменты жизни!

Перелётная птица, одинокая птица,
Эту боль мы разделим с тобой на двоих.
Горько думать, что в мире ничего не случится,
Если он не услышит больше песен твоих.

Глава 5. Рентген и Доза

Вильгельм Конрад Рентген (Рёнтген) (нем. Wilhelm Conrad Rontgen; 27 марта 1845 — 10 февраля 1923) — немецкий физик, работавший в Вюрцбургском университете, с 1875 профессор в Гогенгейме, 1876 профессор физики в Страсбурге, с 1879 в Гиссене, с 1885 в Вюрцбурге, с 1899 в Мюнхене, первый лауреат Нобелевской премии по физике.

Рентген (Р) — внесистемная единица экспозиционной дозы радиоактивного облучения рентгеновским или гамма-излучением, определяемая по ионизирующей способности излучения. Для других видов радиоактивного облучения существует единица бэр (биологический эквивалент рентгена), также определяемый по ионизирующей способности. (Википедия).

Солдатский быт достаточно уныл. Все строго регламентировано и от тебя ничего не зависит. Приказано: «Стоять!» - стоишь. Приказано: «Уми!» - умираешь. Думать тебе совсем не надо, за тебя уже подумал твой командир.

Но это в теории, а в жизни, такое может «пройти» для солдата - срочника, 18 – летнего «пацана», для которого, армия – школа жизни, этап, от которого, он не смог отвертеться! А как быть тридцати – сорокалетнему мужчине, у которого есть семья, дети, да и он сам, уже чего-то достиг, может даже стал руководителем у себя на производстве? Психологически очень трудно уважаемому человеку оказаться в самом низу социальной лестницы, где тебе ежесекундно показывают твою полную никчемность и незначимость...

В моем взводе, я – лейтенант, «партизан» был самым младшим по возрасту. Мне было 26 лет. Основная масса моих солдат уже давно отпраздновали свои 35 лет. Этим взрослым мужчинам нужна была отдушина, которой они могли бы излить свою нежность к детям и тоску по дому...

Рентген появился в лагере до меня. Его привела вместе с братьями и сестрами к солдатской столовой мама – небольшая, рыжая сучка. Рентген был похож на черный шарик, с рыжими подпалинами, как у добермана. Вначале он держался только мамы, а потом все чаще и чаще оставался с бойцами моего взвода.

Жил он в одной из палаток. В каждом солдатском коллективе найдется «собачатник», который будет разжевывать хлеб и мясо, чтобы покормить своего любимца, намазывая кашицу на свой грубый, солдатский палец. Как переходящее знамя, бойцы по очереди носили у себя за пазухой черненький комочек, идя на поверку или на парковые работы.

Однажды, ротный сделал мне замечание, что, мол, непорядок у тебя Самойлов во взводе, антисанитарию развел, собака спит с бойцами на нарах. Блохи, чума, бешенство и огромная радиация в мягкой, щенячьей шерстке... Но сказано это было больше в тоне командирского «ворчания», а не приказа. Я, встретив глухое сопротивление своих бойцов на мое замечание, не стал приказывать, так «пожурил» «собачатника»...

Рентген рос, постепенно превращаясь в игривого щенка. Он везде следовал за моим взводом, в столовую, в умывальник, баню, в парк, на занятия... Только в «Ленинскую комнату», палатку, где проводили политинформации и смотрели телевизор, его не пускали. Он уходил по своим собачьим делам.

Рентген за рентгеном бойцы получали свою дозу, уезжали домой, к своим семьям. К ним на смену приезжали новые, необлученные и испуганные. Уезжали и «собачатники». Но, обязательно, в каждой из партий, появлялся их сменщик.

Скоро в моем взводе из старожилков осталось нас двое, я и Рентген.

На всяком построении собака стала ложиться рядом с моим правым сапогом, во главе взвода. По видимому, он себя считал моим незаменимым помощником в этой полувоенной стае «партизан». Однажды, на построении, командир бригады приказал выйти из строя всем офицерам. Я делаю, строевые три шага вперед, разворачиваюсь лицом к строю 25 бригады. Лежавший рядом Рентген, до этого спокойно выгрызавший, что-то между своих задних лап, вдруг встал, и под восторженный хохот тысяч солдатских глоток, вальяжно прошел несколько шагов вперед, обошел меня и лег рядом с моей правой ногой. ОФИЦЕР! Полковник Улупов, командир бригады, только улыбнулся.

Другой забавный случай с Рентгеном случился через пару дней. На разводе на работу, выступал начальник штаба бригады. Свою речь он посвятил длинной лекции о вреде радиации, о вреде радиоактивной пыли и о бойцах, которых он застал на станции курящими и без респираторов. Трое бойцов стояло рядом с ним, получая то в грудь, то в живот начальственным пальцем. Всем было скучно, противно, противно на душе. Вдруг, из задних рядов моего взвода раздался возмущенный собачий визг и злобный лай с рычанием. Мимо меня промелькнула черная спина Рентгена. Собака выскочила перед строем бригады. Бригада завывала от восторга! На морду собаки был одет зеленый армейский респиратор. Рентген с возмущением повизгивал и рычал, пытаясь освободиться от резинок и пластика, которые сковывали его свободу. Когда ему это удалось, он схватил респиратор в зубы, отбежал в сторону и под вой, хохот, визг тысяч глоток зарыл с рычанием этот злосчастный респиратор под столбом. Это было таким актом гражданского неповиновения, протестом против радиоактивной действительности, неуважения к личности и несправедливости, что у меня перехватило дух! После этого Рентген стал любимцем всей бригады.

Однажды я приехал со станции, устало решал с бойцами взвода вопросы, которые накопились за день. Главный вопрос, конечно о рентгенах, о дозе, которые сегодня получили люди. Когда официальная часть была окончена, то мне была сообщена поразительная новость: «Рентген – ссучился!». Я, вначале не понял, как Вильгельм Конрад Рентген мог «ссучиться»? И мне, со смехом, солдаты объяснили, что наш взводный любимец Рентген оказался сучкой, кто - то, только через месяц догадался посмотреть собаке под хвост!

С этого момента, собачку обозвали, конечно же - Дозой!

Глава 6. Неудачный день

Пояснения автора:

В тексте встречаются некоторые специфические сокращения и термины, которые могут быть непонятны читателю и требуют предварительной расшифровки.

ОКЗК - военная форма, в которую одевали химические войска, материя пропитана антиипритным составом;

ОЗК - Общевойсковой защитный комплект, защитная прорезиненная одежда солдата для нахождения в зонах радиоактивного и химического заражений;

БРДМ - боевая разведывательная дозорная машина;

Рентген (Р) - мера дозы радиационного облучения, Р/ч - уровень мощности дозы, который измеряется специальными приборами ДП-5В;

ОБХРР - отдельный батальон химической и радиационной разведки. Воинская часть, в которой служил автор.

АРС - Автораэрозивная станция. Военный автомобиль, который применяют для дезактивации зараженной техники.

ПУСО - пункт специальной обработки, место где производилась дезактивация техники, выезжавшей из 30 километровой зоны.

ТВЭЛ - тепловыделяющий элемент, деталь реактора, в которой находится ядерное топливо. Часть обломков этих деталей было выброшена из реактора во время взрыва, обладали огромной радиоактивностью и очень опасны.

Сейчас я понимаю, что этот день не задался еще за сутки до описываемых событий, когда начштаб приказом записал мне в команду санитаров.

К началу июня 86 стало ясно, что единственным способом попасть домой для ликвидатора - побыстрее получить 25 Р. дозы. А где ее набрать санитару батальона, который обязан сидеть в лагере и опрыскивать хлоркой столовые, уборные и т.д.? А этих людей призвали еще 28 апреля и почти все их товарищи по призыву (учтите, что люди в запасе знают всех сослуживцев много лет по учениям, сборам и т.д.) уже получили свое и уехали домой. Да и видок у них был еще тот. Их ОКЗК была пятнистая, как у леопарда, с выжженными хлоркой белыми пятнами по зеленому.

Эти или другие, какая мне была разница?! Лица в респираторах для меня все равно мелькали, как в калейдоскопе...

Утро прошло, как обычно: вчера лег, когда было еще 2 ночи, а когда встал было уже целых 4 утра. Человек ко всему привыкает. К одному не может привыкнуть – к недосыпанию, но кто тогда на это обращал внимание? Надо, и все! Собрал людей, построил колонну техники и в путь. Но, когда этому нет (и, что угнетает и не предвидится) конца и края...

Моя колонна тронулась, теперь до Дитяток, хоть минут 10, могу поспать.

Возле Дитяток - затор, стоят грузовики, автобусы, а вокруг - женщины в платках, мужики в картузах и прочий нормальный гражданский люд, от вида которых уже практически отвык, обступили хлипкую железную преграду. Крики, ругань, плачь. Соскакиваю с машины, пробиваюсь сквозь толпу. Показываю сонному милиционеру пропуск на мою колонну. У старшего "шлагбаума" спрашиваю: "

- Кто они?

- Эвакуированных пустили за вещами, оформляем"...

Огибаем машины, сигналив на разный лад, по встрече. Толпа у стальной трубы, что заграждает им путь к родным очагам, разбегается по сторонам, жмет к грузовикам и к пыльной обочине, на которой установлен желто-черный знак радиации. Полосатая труба приподнимается, и мы едем дальше, а я сплю.

Следующая побудка – "расческа". Это я так назвал колонну тракторов "Беларусь" (штук 30), которые каждое утро проезжали мимо нашей 25 бригады в сторону Чернобыля, мы ее догоняли не доезжая до моста через реку Уж. И это был настоящий экстрим, т.к. колонна тракторов растягивалась километра на полтора, и обогнать ее колонной из 4 БРДМ, 2х пожарных машин и одной пожарной автолестницы было проблематично, учитывая встречное движение! Выглядело это так: я сижу во главе (на броне БРДМ) и наблюдаю, как моя колонна беспрерывно сигналив, несется по встречной полосе, обгоняя, плотно идущую вереницу тракторов.

На горизонте появляется встречная машина, я поднимаю руку - и моя колонна втискивается между тракторами, как волосы между зубьями расчески, пока не пронесется, какой-нибудь КаМАЗ или КРАЗ. И так несколько раз. "Расческу" проскочили, дальше должны быть только одиночные машины и я могу подремать еще минут 20 до Чернобыля...

Все, как всегда.

Наша остановка возле "Сельхозхимии", где подбираю майора, старшего от опергруппы, и построение уже на месте, в грузовом порту г.Припять.

Рассказываю бойцам, где работать, что делать, где курить, где оправляться (хоть это в зоне запрещено, по соображениям радиационной безопасности). Но люди есть люди и лучше показать им относительно безопасные места, чем ловить их по радиоактивным кустам вокруг пристани. Нужно сказать, что к любому официальному заявлению, приказу (тем более исходившему от лейтенанта-"партизана") шла, мягко сказать, отрицательная реакция от людей. Я это уже прочувствовал на своей шкуре и для меня оставался только грубый мат, а в широте своей фантазии я тут не стеснялся. Отдаю боевой приказ на работу.

Все как всегда.

Посылаю дозиметриста по строго указанному маршруту вокруг пристани. Это, скорее, была перестраховка, ведь ДП-5 я не выпускал из рук и ничего, никаких особых аномалий по дороге на объект не заметил. Разведка все подтвердила, забираю записки у дозиметриста, вечером отдам в штабе батальона, как результат разведки на местности.

В этот день мы сгребали дезактивирующий состав с причала. На причал кто-то, побывавший на пристани раньше меня, для эксперимента, вылил полимерный состав, который застыл, как зеленая резина. Часть зеленых соплей захватил своим ковшом бульдозер "Беларусь", сбрасывая их прямо в "старик". А остальное с бетона соскабливали мои бойцы. Работа несложная, но требует терпения и предельной концентрации внимания... Попробуйте обычной совковой лопатой отковырять кусочек от велосипедной камеры и при этом руками не трогать!

Радиоактивно!

Работа до обеда прошла, как обычно. Я, отдав в распоряжение майора БРДМ, на котором он ездил кушать в Чернобыль, направился на обед в готель "Полесье", в Припять. Пожарные, со своим старшим, лейтенантом, как всегда, поехали за БРДМ с майором.

Надо отметить, что ВС СССР, к которым относились химики и МВД, к которым относились пожарные, питались отдельно и даже по разным нормативам. Стоимость дневного содержания личного состава МВД и ВС, который был в Чернобыле, разнилась в два раза. И, когда нам, военным химикам, давали каждый день консервированную морскую капусту, в частях МВД (пожарным) к капусте полагалась плитка черного шоколада "Гвардейский", и многое, о чем я не уже и не помню. Не поймите меня превратно! Я там ел, от силы, половину того, что мне давали и этого мне хватало. Дефицитное масло, в офицерской столовой стояло большим, советским куском (ящик). Консервы рыбные в масле ("Скумбрия", "Салака"-жуткий дефицит к середине 80-х). Но, кусок в горло не лез. Аппетита у меня совсем не было...

Неприятно резануло, когда посреди улицы Курчатова, где мы обычно оставляли свои машины, уже стоял чужой вертолет Ми-8. Пришлось бросить БРДМы возле памятника "Прометею" и идти пешком 50 метров мимо горкома Партии. Машина с "расходом" еще не приехала. Я устроился спать в фойе на топчанчике, между ступеньками, ведущими к лифту, и входом на кухню ресторана. Сразу "отрубился".

Меня разбудил шум опускающегося лифта. Из тесной кабинки вышли три вертолетчика в комбинезонах и две женщины в белых замызганных, как у посудомоек халатах. В руках они держали сумки с торчащими термосами, кулками и пакетами. Стало ясно – господа офицеры свозили своих боевых подружек на экскурсию к реактору, а заодно устроили себе пикничок в люксе гостиницы.

Мы, с бойцами прильнули к витринным окнам готеля. Вертолет, стоящий посреди улицы в пустой Припяти начал медленно, с надрывом, шевелить лопастями. Начинает шелестеть с посвистом турбина и..., и с черным дымом и громовым хлопком из боковых труб турбина глохнет.

Мои бойцы ржут.

Вторая попытка. Хлопок... и у моих бойцов от смеха начинается икота: из кабины выскакивает в черном шлеме и с красной рожей правый пилот, открывает какой - то лючок спереди кабины и под дружное ржание моих бойцов наносит два удара от души: ногой, сильно, "с носака" по оборудованию внутри летательного аппарата. Спокойно садиться вовнутрь, и вертолет, наконец, заводится и улетает, вздымая тучи радиоактивной припятской пыли. Господи! Как хотелось жить!

Иногда время спрессовывается очень плотно. Для меня и сейчас это - загадка. Тогда, за один мой выезд, происходило столько событий, что не хватит слов, чтобы описать все в одном коротеньком рассказе. А ведь я тогда участвовал в исторических событиях, глобального характера. Мне сейчас очень трудно найти те фразы, которые могут предать тот ритм, чтобы (хоть приблизительно) донести до читающего и темп развития сюжета, и одновременно его текущую, скучную обыденность.

В этот день, в фойе "Полесья", я еще встретился с человеком, который закрывал город Припять в прямом смысле. Невысокий мужчина, с которым я разговорился, был старшим по установлению сигнализации на первых этажах всех домов в городе. Милицейский патруль, три сантехника, электрик и пара связистов, обходили каждый дом, каждый подъезд, каждую квартиру, чтобы отключить дезактивированную многоэтажку от воды, тепла, электричества. На каждое окно первого этажа они устанавливали сигнализацию. На пульт центральной диспетчерской выводили сигналы датчиков с этих окон и с каждой подъездной двери. Сотни домов этого многотысячного города. От него я услышал, что они нашли несколько трупов в квартирах. Цитата: "Старики. Паралитики".

Сейчас у меня нет оснований ему не верить, ведь в Припяти оставались жители еще и в конце мая 86. Я уже рассказывал о старушке, которая приходила за хлебом на дозиметрический пост в гостинице, когда у

нее начали заканчиваться припасы. А почему я не должен доверять человеку с серьезным заданием, ведь в Припяти тогда случайных людей просто быть не могло, просто по определению? И зачем ему мне было врать, надувать щеки, ведь мы встретились случайно?!

Пообедали, возвращаемся на объект. Неприятный сюрприз – пожарные возвратились без одной машины. У лейтенанта спрашиваю: "Где?" Ответ ошеломил:

– Авария.

– Где?

- В "Желтом" лесу!

- Как?

- Неполную бочку раскачало на повороте возле знака "Припять" и машину выбросило в "Желтый лес".

- Кто пострадал, жертвы?!

- Нет! Водителя прижало рулем. Все, кроме старшего машины, убежали, а он вытащил водителя из искореженного авто и вынес на дорогу, где их и подобрали попутки. (На дороге тогда было около 50 Р/ч, а сколько же было в лесу, где лежала машина?)

Работаем дальше.

Вдруг, подбегает дозиметрист:

- Товарищ лейтенант, я 150 Р/ч нашел!

- Где?

- А вот там, за кучей булыжников.

Надо отметить, что эта куча гранитных булыжников, была величиной с одноэтажный дом и светилась в 5 Р/ч. Я, категорически, во время построения, запрещал солдатам даже смотреть в ту сторону, не то, что приближаться к этой куче.

Задаю вопрос: "А что ты там вообще делал?"

-Так, было интересно!

Для себя отмечаю: мне минус, даже два. 1 – неусмотрел, 2-не занял работой, скука погнала бойца искать приключений. Вспомнилось из курса военной кафедры: "Управление войсками должно быть непрерывным! Потеря управления – победа противника".

Беру из БРДМ свой ДП-5В. Спускаемся к урезу воды. На желтом песочке видны полосы, как отступала вода после половодья. Пузырьки засохшей песочной пены, дресва, хвоя, кусочки листьев. В общем, все, что ветер прибивал к этому берегу с поверхности затона. Эта полоска ничем тоже особенным не отличалась. Была она длиной метров десять, шириной –сантиметра 2-3. Отличалась только одним - она светилась 115 Р/ч по гамма и 155 Р/ч по сумме гамма и бета. И еще она отличалась четкими отпечатками солдатских сапог, абсолютно симметрично по ее обе стороны и кучей свежего, человеческого говна точно посередине. "Прямо –снайпер!"- подумал я...

Не скажу, что я обомлел, нет. Была смесь ощущения собственного бессилия перед человеческой тупостью и..., и почему-то совсем детской жалости к себе. Ведь я честно предупреждал, где и что. Почему люди бывают такими, ну такими безразличными к своей судьбе? Лишь бы только насолить начальству, даже ценой собственного здоровья... Гастелло и Матросов в одном лице. Неприятно было еще и то, что если это случись бы вчера, то никто на этот факт внимания не обратил! Но вчера вечером объявили приказ:

больше 2-х Рентген за выезд не получать, а тут, по нехитрым моим прикидкам, боец получил не менее 10, а м.б. и больше. На секунду представил, что будет мне за нарушение этого приказа, разозлился...

Поднимаемся с дозиметристом по береговому склону наверх, к причалу. Народ бросил работу и сбился, как стадо овец, в самом безопасном месте у защитной стенки, курят, шепчутся. Ведь прекрасно знают, оказывается, где самое оно находится это самое безопасное место.

Поздно шептаться! Подхожу, спрашиваю: "И чего вы тут сгрудились?"

-Так 150 рентгенов!

Вначале спокойно: "Ну и что? А кто срать за кучу ходил?"

Наблюдаю, как с одного из "леопардовых" бойцов сползает лицо.

Это достаточно жуткое зрелище, наблюдать, когда человек вдруг реально ощущает близкое дыхание смерти. Черты лица, вдруг теряются, и ты видишь только человекоподобное, бледное, вытянувшееся обличье. Маска, а не лицо.

Боже! Как глупо все это получилось!

Моментально вскипела ярость: "Что сгрудились, бараны! Работать по местам!" Дальше был мат...

Этого санитаря оставил, на пару минут с собой. Выяснил, что был он там минут 20 -25, что знал о высоких полях радиации на берегу. Ситуация, хуже не придумаешь: то место, что любой нормальный мужик старается от радиации защитить, этот сам, по собственной дурости, вывесил на прожарку, медик хренов...

На его вопрос: "-Что со мной теперь будет?"

-Домой поедешь точно, а, как жить у тебя получится после этого, не знаю." - искренне ответил я.

"Иди работать!"...

Едем обратно. В "Желтом" лесу вижу с левой стороны, лежащую на боку в метрах в семи от кювета пожарную машину. От полотна дороги метров пять не видно никаких следов, потом коротенький след, как от мотоцикла, значит ехали на одном колесе, а затем, повалившись на левый борт, с один метр шли юзом, с поворотом сгребая рыжую хвою до белого песка. Полет многотонной машины впечатлил. Хорошо, хоть канаву перепорхнули, а попади машина в нее своим колесом на скорости? Кувырок, и трупы! Можно сказать, что ребятам очень повезло!

Уже проехали село Черевач. Это село мне запомнилось, т.к. на него утром открывался великолепный вид с моста через реку: добротные беленые дома и от них, к реке, спускаются, перетертые крестьянскими руками, уже зазеленевшие ровными грядками огороды. Зеленое по черному. А возле хат одновременно цветут белым - вишни, розовым - яблони... Лишь людей нет! Это очень страшно, как в фильме "Иди и смотри", когда главный герой заводит девушку в свой дом. На столе стоят теплые щи, и никого нет! А за стеной - расстрелянная мама, убитые братья и сестры.

Там был еще один ориентир - за автобусной остановкой, был мемориал, кладбище воинов, погибших в 1943 году, в боях за освобождение Киева. Врезалось в память: я сижу на броне, на краю люка БРДМ. На спуске к мосту водитель сбавляет ход. Обычная автобусная остановка (она и сейчас там стоит) под бетонную крышу заполнена черными пластиковыми мешками с мягкими вещами. Стоят холодильники телевизоры, большие кастрюли, коробки. И, и...и одинокий старенький дедушка с орденскими планками на груди, который плачет, и не стесняется, и не стесняется своих слез. Я встал во весь рост и отдал ему честь, как офицер. А чем я тогда ему мог помочь? Старый солдат мне в ответ лишь кивнул головой. Секундное дело и мы проехали мимо...

Мне пришло на ум одно сравнение. Когда я родился, со времени Отечественной войны прошло 15 лет. Когда я пошел в школу - прошло 22 года. Для меня воспоминания мамы, папы, бабушки или дедушки: "Это было до Войны...", "Это было во время голодухи в 47..." звучали, как жутковатая сказка. И теперь, через 23 года после Чернобыля, еще и еще, задаю себе вопрос: "Надо ли, теребить свою память, тревожить свое сердце, чтобы потом не спать несколько недель, чтобы опять подскочило давление или опять свалиться (не дай Бог!) в "синкопе", ради несколько строчек?" И самый страшный для меня вопрос: "А кому это ТЕПЕРЬ надо?". Полной неожиданностью для меня было, когда соседский 11-летний пацан спросил у меня, когда я показывал ему фото современной Припяти: "Дядя Женья! А Чернобыль был до войны?", я вдруг ощутил, то огромное временное расстояние, которое разделяет теперешних школьников и те, такие близкие для меня, события.

Время разделяет меня теперь от этого школьника, как меня от того старика на остановке, и почти так же, как его от той войны тогда... А я проживаю несколько времен одновременно, и эти времена очень сильно на меня давят.

В Дитятках опять затор, несколько грузовиков. В машины выше крыши кабин загружены знакомые, черного пластика мешки. Дозиметрист, тщетно пытается просунуть в эту кучу зонд. Не выпускает он машины, требует разгрузить, у него приказ. Опять мат, плачь, крики.

Приехали в лагерь, как раз к ужину.

Я успел принять душ, почистить зубы и т.д.

За ужином узнаю, что в неприятную ситуацию попала машина моего товарища, который делал разведку по дороге Чернобыль – Припять. На его БРДМ, пролетающий вертолет сбросил пылеподавляющую жидкость. Машину на скорости просто сбросило с дороги, внезапно ставшей скользкой, как каток. Сделано это было цинично и демонстративно - афганцы-вертолетчики так развлекались. А парень сильно ударился головой о броню, его бойцы отделались синяками и царапинами, когда их куклами швыряло внутри боевой машины, ударяя об приборы и выступы оборудования бронника.

Для меня начиналась самая противная часть работы комвзвода – бумажная. Пока я находился в зоне, пришло пополнение, с каждым нужно познакомиться, записать его правильные данные, поставить на довольствие. Каждое действие требует абсолютной концентрации и внимательности, а в глаза хоть спички вставляй!

Идем снимать показания дозиметров. Батальонный врач, по одному берет ИД-11 у бойцов, которые были со мной в этот выезд. 1-2 Р за день, в общем - нормально. Подходит очередь "пятнистых": 1,5 Р у одного, у другого 28! Врач немедленно вызывает комбата. Это его (врача) бойцы, он их - непосредственный начальник.

Первая разборка: писать или не писать этому уроду такую дозу? Присутствующая толпа бойцов кричит – писать. Глас народа! Смотрят на меня, кивают. Пишем. Если бы этот кретин, просто подложил дозиметр на зараженное место, а ведь он там честно и добросовестно высидал эту дозу. Следы на песке говорили об одном: подошел, снял штаны, сидел. Долго сидел, его сапоги оставили очень глубокие следы в песке. Облегчился, вытерся ладонью, ладони помыл в реке, зачерпывая песочек возле уреза воды. Смешно.

Разборка вторая: штабная палатка батальона. Я и "пятнистый" даем устные пояснения, как и что. Упираю на то, что это была чистая самоволка, что я приказывал: "Туда не ходить!" Санитар не возражает, а несколько бойцов подтвердили мои слова, что такой приказ был озвучен еще утром. Пишем рапорта, комбат их перечитывает. Кладет две бумажки в сейф.

Иду к себе в палатку, чтобы продолжить свою "бухгалтерию". У врача списываю дозы и своего взвода, и роты (ротный мне дал такую нагрузку) в тетрадку. Для себя отмечаю, кто из солдат практически набрал предельную дозу, готовлю рапорт на их замену. Пока замена придет, они свои рентгены обязательно получат.

Вечерняя поверка. Стою в строю, облепленный комарами, пока ротный не проверит наличие личного состава. Затем бегом в штаб бригады. Два часа слушаю, приказы, сообщения. Столько за сегодня погибло солдат, которые выпили найденный в подвале черновыльского дома дихлорэтан, кого арестовали за мародерство, сколько поймано иностранных шпионов и т.д. Все сопровождалось точными данными частей, временем, обстоятельствами и т.д. Как анекдот воспринимается приказ: "В связи с постоянным улучшением радиационной обстановки, установить предельную зараженность для выезжающих из зоны машин в 0,05 мР/ч", ведь в этой палатке здесь и сейчас - 1,5 полтора мили Рентгена, т.е. в 30 раз больше!

Затем идет разбор полетов по бригаде.

Доходит очередь и до меня. Уже все и всё знают: "Что - залет, лейтенант?!" Встаю, не отрицаю. Поднимается с места комбат и говорит пару слов в мою защиту, что это был несчастный случай. Проехали, далее я отчитываюсь про свою работу за день. Помыли столько портовых кранов, дезактивировали столько кв. метров пристани и местности, фон упал во столько раз. Заказываю людей и технику на завтра.

Сижу, практически, до одиннадцати вечера, слушая, что сделала 25 бригада за этот майский день на станции, на дезактивации Припяти, на строительстве могильников, возле развала реактора. Каждый старший команды, как и я, говорит о планах на завтра. Обычная работа, но когда слышишь, что сегодня ИМРы саперного батальона подгребли слой грунта к самой стенке реактора и можно начинать работу по установке первых блоков объекта "Укрытие". И когда, через пяток дней не можешь обогнать после Лилева, охраняемый гаишниками автопоезд с огромными металлическими конструкциями, которые станут в основание саркофага (хотя этого слова мы тогда не употребляли), все личное становится мелким, чувствуешь себя частью чего-то великого и, действительно, нужного людям.

Уже темно. Иду к штабной палатке, где был электрический свет, чтобы завершить свою бюрократию и быстрее лечь спать, ведь завтра подъем в 4. Тщательно переношу из тетрадки в журнал учета доз рентгены бойцов нашей роты. Заходит начштаб и КГБист, прикрепленный к нашему батальону. Этот капитан с заячьей губой, опять начинает тянуть из меня жилы: что, как, злой умысел, откуда там ТАКИЕ загрязнения, ведь все уже знают, что радиационная обстановка ТАМ почти в норме, ты, что газет не читаешь или это - диверсия?..

Проходит минут сорок, пока он, может быть, понял, что иного ответа, чем я уже озвучил и написал ему не получить. А может быть, просто, ему надоело.

Отвечаю односложно. На проявление эмоций, к которым он меня провоцирует, у меня уже физически нет сил.

Почему КГБисты так любят допрашивать ночью? Пишу очередную объяснительную на имя начальника Особого отдела бригады.

Тупо ноет в затылке. Я устал. Я хочу спать.

Свободен! Выскакиваю из палатки, делаю несколько приседаний, трясую головой, запрокинув голову, смотрю на крупные звезды. Они сегодня особенно крупные и, почему-то синие. Глубоко вдыхаю свежий, ночной воздух. Попустило.

Возвращаюсь к свету. Завершаю за длинным штабным столом заполнение журнала. Гляжу на часы – четверть второго. У меня 45 минут сна, пока опять не вызовут в эту палатку, чтобы рассказать мне, где взять машины, дать списочный состав людей... Короче, отдать мне боевой приказ на завтра.

Скучно, ведь я сам же для себя это заказывал в штабе бригады всего пару часов назад. Но старший команды я там, в Зоне, а здесь я – лейтенант, командир взвода "партизан", и сам я – "партизан". Таких здесь – тысячи, пушечное мясо, не жалко. Теперь этот приказ напечатают, спустят в батальон, чтобы в 2 часа ночи отдать его мне. Армия, такой здесь порядок!

Ночь. В штабе бригады печатают приказ. Лагерь спит, сквозь парусину слышатся тихие разговоры в штабе батальона. Он рядом, в следующем ряду за моей палаткой. А кругом храп, сопение, приглушенное бормотание и стоны. 25 бригада спит, я тоже сплю, сплю крепко, настолько крепко, как только могу, и даже сильнее. Но я слышу эти разговоры в штабе, слышу распоряжения, я слышу все. Я сплю крепко и буду так спать, пока не услышу ожидаемое каждую минуту моего сна: "Дневальный, позвать лейтенанта Самойлова!". Тогда я начну просыпаться. Я проснусь не сразу, я буду ждать, пока дневальный, заглядывая в каждую офицерскую палатку, тихо будет звать: "Лейтенант Самойлов, Вас в штаб!". Наша палатка 3-тья, но я специально выкраиваю эти 2-3 минуты для себя, ведь это – мое время! Шуршание полога палатки, тихое: "Лейтенант Самойлов, Вы здесь? Вас в штаб вызывают!".

Завтра наступило.

Утро прошло, как обычно: вчера лег, когда было еще 3 ночи, а когда встал было уже целых 4 утра. Человек ко всему привыкает. К одному не может привыкнуть – к недосыпанию, но кто тогда на это обращал внимание? Надо, и все! Собрал людей, построил колонну техники и в путь. Но, когда этому нет (и, что угнетает, и не предвидится) конца и края...

Это не проверка внимательности читателя, так оно и было...

Но, в это утро я задал вопрос бойцам, построенным в 2 шеренги возле портовых кранов: "Слышали, что вчера здесь было?"

Хором, дружно ответили, через респираторы: "Так точно!" (Так рождаются легенды).

Стало проще, почувствовал, что эти бойцы далеко не разбегутся. Опять показываю, где, что... И, особенно, тычу свой палец в эти булыжники.

Примечание: интересно, но когда Евгений Гончаренко, вывез меня туда через 20 лет, то я заметил те самые булыжники. Их позже положили в основание дамбы, защищающей от попадания нуклидов реку Припять. Я уверен, что это были именно те камни. Ведь в том (злополучном для меня) месте их не оказалось. Везти новые издалека – дорого, наверняка их и использовали. Эти камни и теперь лежат, всего в 30-х метрах от берега реки и в 300 метрах от грузового порта...

Сегодня мы должны разгрузить баржу с сухо замешанным бетоном. Кран будет ссыпать этот бетон куда достанет, а мои бойцы и трактор "Беларусь" будут растаскивать его из куч по всем углам того периметра, что мы, окончательно, обозначили стенкой из бетонных блоков еще позавчера. Ночью баржу уведут.

Часов в одиннадцать дня приехал крановщик.

Ветер, крановщик торопится. В кабине у него 300 млР/ч. Берет побольше из баржи, стоящей возле первого "быка" и бросает сразу, как только видит место, которое показывают ему руками.

"Майна!.. Вира!.." – кричу сквозь респиратор. Дует сильный, ровный ветер из Белоруссии. Мы, как "зайчики", бегаем по огражденной (нами же!) площадке, чтобы не попасть в пылевой хвост от бетонной смеси, ведь за стенкой радиация в десятки раз больше.

За 40 минут крановщик "управился".

Баржа пустая, посреди площадки - кучи сухо-замешанного бетона в человеческий рост. Задача на сегодня: разровнять и забетонировать всю эту площадку. До обеда работаем, как обычно – ровно. Т.е. ровняем, как только можно: трактор "Беларусь" сгребает кучи, бойцы ровняют борозды и канавы, оставляемые ковшом и колесами трактора. БРДМы работают вместо дорожных катков. Бойцы выкладываются, их просто не хватает. К полудню становится ясно, что будем лить воду на эту смесь только после обеда. Пожарные домывают портовые краны, одновременно в который раз, дезактивируя поверхность пирса.

Обед, готель "Полесье". "Мой" топчанчик занят тремя гражданскими! Я хочу спать, я в своем гневе приближаюсь. Милые люди - санинспекция. Их послали в Припять выгребать из магазинных холодильников все... Просит пару бойцов ему в помощь. В Припяти – несколько ресторанов, кафе, магазинов, база ОРС. Мясо, рыба, сыр, а электрического тока в холодильниках нет. Рук не хватает, чтобы вывезти весь этот дефицит. Обещает взамен: мясо, рыбу, сыр, икру... Я отказался помочь этому человеку. Куда мне было девать это богатство в палатке? Мне сейчас нужны только рентгены, а у него есть только черная икра...

Привозят "расход". Борщ, каша в больших солдатских термосах, хлеб в лотках, тушенка в картонном ящике. Угостил своего нового знакомого санинспектора борщом, он еще не обедал.

Покушали, сидим, разговариваем. Вдруг, вижу: прапорщик, который привез нам обед, спускается вниз по лестнице изнутри гостиницы и держит два хлебных лотка вместе. Ему там делать было нечего. Останавливаю его: "Товарищ прапорщик, ко мне! Что у Вас в лотках?". Прапор начинает на меня "наезжать": "Ты, что лейтенант – ох..л?! Да ты знаешь, кто я?!" Я раскрываю ящики, все видят приемник "Ленинград-001". Отвечаю: " Знаю, ты - мародер, и пока эти парни теряют свое здоровье здесь, ты – грабишь тех, которые отсюда уехали, бросив все. А я с тобой, вечером еще встречусь, падаль!"

Вечером, в лагере я его уже не застал. Смылся гнида, дезертировал, уехал в свой Чугуев прятаться к жене под юбку. А, может быть и спрятали! А, может быть, брал он приемник не для себя? А, может быть, он взял этот приемник, что бы получить для своих троих детей квартиру, а с него просто потребовали дорогой подарок? Кто мне скажет? У кадровых военных свои порядки и обычаи, свои взаимоотношения! Короче, комбат не дал хода этому делу, уговорил меня об этом случае рапорт не писать: позор на часть, позор для него, залет для комбата...

Возвращаемся назад на пристань. Пожарные опять приехали без одной машины. Не верю своим глазам: дежавю вчерашних событий, или у меня бред от бессонницы!?

У лейтенанта с погонами "ВВ" спрашиваю: "Где?" Ответ огнеборца ошелолил:

"– Авария.

–Где?

- В желтом лесу!

- Как?.."

Все получилось просто. Возле "Факела", когда пожарная машина поворачивала в Чернобыль, на поворот выехал КАМАЗ с прицепом, груженный контейнерами для захоронения зараженного грунта. Прицеп КАМАЗа сильно занесло прямо в борт пожарной машины...

Работаем дальше...

"Беларусь" после обеда не вернулась, тракторист был гражданский и работал всего 4 часа. Осталась пара цементных куч, которые нужно разбросать. Рук не хватает, сам беру свободную штыковую лопату, становлюсь с бойцами. Берешь больше, кидаешь дальше, пока летит – отдыхаешь. А еще мне приходилось пересчитывать бойцов на площадке, ведь обязательно найдется один, который попытается слинять.

Мир так устроен, что среди 20 "нормальных", есть один – урод. Мне вчерашнего говна уже хватило. Сегодня опять 40 рыл работает. Лопату кинул – 22+18, зачерпнул, кинул, поднял голову - 18+20, где 2?

А вот один, как гад, ползет на четвереньках между цементными кучами.

"Куда?!",

"Да я тут...",

обращаю внимание на, то, что у него нет личного дозиметра. Второй урод сторожит дозиметры на берегу. На палочку навесили штук пять ИД-11. Прямо - Новогодняя елка с серебристыми игрушками. Измеряю фон – 1,2 Р/ч.

Я вам сейчас устрою новогодний карнавал...

Собираю дозиметры в карман, все они номерные, записаны на конкретного человека, потерять его нельзя, в Зоне он всегда, всегда должен находиться при твоём теле. Этот брелочек записывает тебе Рентгены, он – пропуск домой!

Сбегаются человек 8, с лопатами наперевес. Дело – худо! Закидываю штыковую лопату на правое плечо, моя левая рука - под низ черенка, а правая – посредине древка. Жду, очень жду, кто первый шагнет ко мне. Я уже не сплю почти 5 ночей, я зол, я – сумасшедший!

Беру быка за рога, как могу спокойно: "Коммунисты есть?" Лопаты – поникли, пошел откровенный скулеж...

Плюнул, отдал дозиметры члену (!) парткома завода и члену (!) парторганизации института...

Как противно и, как просто управлять толпой! ЗЭКовское - НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ, НЕ ПЛАЧЬ...

Вчера, кто-то из них меня сдал. Ведь КГБист появился немедленно. Сексот, стукачек из моих вчерашних бойцов, покушал и немедленно настучал и о "серуне", и о моей "слабости", что пишу бойцам их настоящие дозы. По времени все сходится.

Они отходят, а я опускаю лопату с плеча...

Я до сих пор не понял, что это было: или бунт, или провокация агентов КГБ? Ведь, от посадки на нары или от смерти меня отделяло совсем немного - один чей-то шаг вперед, одно мое неосторожное и рубящее движение руки с лопатой.

Потом, этих стукачей, я начал различать среди толпы солдат. Их в Зону пускали редко, все они обычно сидели на партсобраниях, их вызывали то в клуб бригады, то в штаб. Но именно они провоцировали бойцов на разговоры о недописанных дозах. Это они провоцировали на необдуманные действия простых колхозников. Бойцы, облучившись, менялись, а разговоры о недописанных командирами рентгенах оставались, как оставались в лагере и эти провокаторы.

Возвращаемся к нашим кучам. Большинство работают, как работали. Пожарные льют воду на смесь, а БРДМы трамбуют бетон. Где не может трамбовать БРДМ, там работают 40 бойцов, перемешивая сапогами цементную пульпу вдоль стен... Бетонная жижа ждать не будет, поэтому мы доделали все до конца.

Сели в машины в начале шестого вечера. Я еду в последней машине. Бойцы в ней хмурятся, до ужина осталось около часа, а мы еще в центре зоны. Подбадриваю их, что если все сложится удачно на ПУСО, то через 40 минут будем в лагере, успеем!

Едем, поворачиваем от знака "Припять" к "Желтому" лесу. Сзади, издав далеко слышу вертолет. Водитель Серега, успел крикнуть мне: "Командира (подражая узбекам, с которыми он служил Афганистане) – люка!". Я все понял: неудача, это тот самый вертолетчик и сейчас нас зальет пылеподавляющей смесью, потом от нее не отмоешься. Свой люк я в секунду захопываю, а Серега набирает скорость, пристально вглядываясь в зеркало заднего вида. Кричит: "Приготовились... Держитесь!" и... резко тормозит. Вертолет проскакивает над нами и через секунду впереди на дорогу толстым слоем смачно "чмякается" коричневая жижа, покрыв площадь метров 20. Мы медленно поехали вперед. Летчик, похоже, заметил Серегину хитрость и, сделав полугорку сразу над "Факелом", моментально развернулся вокруг своего винта к нам носом.

Я до сих пор, без волнения не могу вспоминать, что произошло дальше: Ми-24 со снижением, понесся к нам. И, пускай на его кронштейнах, вместо боевых ракет, были навешены форсунки с липкой дрянью, но у меня волосы встали дыбом от надвигающейся на меня мощи.

Вертолет спустился ниже сосен "Желтого" леса и летел вдоль шоссе прямо на нас, грозно наклонив свой нос. Вечернее солнце отлично освещало сбоку и желтую хвою, погибшего леса, и винт вертолета, рубящий воздух метрах в семи от поверхности асфальта. Хлопья этого воздуха свивали сизый дым от турбин в ровную двойную параболическую спираль, которая шла сверху вниз и вдоль дороги прямо к нам, а с обочин срывали, вздымая вверх радиоактивный песок и хвою. Перед собой я видел приближающуюся "восьмерку" кабины, пара пулеметов снизу... Лицо пилота, обрамленное шлемом, было очень спокойным. Вертолет, летел между сосен и вблизи оказался огромным, почти, как автобус "Икарус". Через мгновение нас полностью накрыло липкой массой...

Ситуация хуже некуда! Мы в "Желтом" лесу, измазанные составом, который должен собирать радиоактивную пыль, а сверху на нас падает не только эта пыль, но и радиоактивная хвоя "Желтого леса"... Пару минут мы стояли, пока "дворники", хоть как-то, размажут этот липкий, клеевой отход спиртового производства по поверхности оконца БРДМа.

Медленно тронулись, жирно чавкая шинами по асфальту дальше, до первого ПУСО в Лилеве.

На повороте, прямо возле "Факела" на дороге лежат размотанные холщевые рукава и алюминиевые брандспойты, а у обочины валяется, содрванная гармошкой, красная жестянка с борта нашей пожарной машины.

ПУСО Лилев и Черевач проехали, а на Дитятках застряли: вчерашний приказ - 0,05 млР/ч на выезде. Ну, помыли нам машину раз, а на КПП посылают на второй круг. В очереди из машин опять стоим полчаса. Второй раз бойцы мыли наш БРДМ уже сами, выпросив у бойца в ОЗК его щетку, сам стою рядом, своим прибором выискиваю радиоактивные места на колесах и корпусе машины, отмахиваясь от сигнализирующих машин, стоящих на эстакаде позади нас.

Все в норме, и все равно, младший сержант на КПП показывает нам на третий круг. Я показываю ему свой ДП5-В. У него в руках - ДП-5Б (такие были уже только у частей ГО). Ни старшее мое звание, ни увещание, что 0,05млР/ч при фоне в Дитятках в 2 млР/ч нельзя измерить, на него не действует.

Человек, в ауте, испуган, работает первый день, старший уже спит...

Я в бешенстве...

Погрешность прибора 30%, т.е. на этом фоне, прибор дает ошибку в 0,6 млР/ч, а "выпускная" мощность дозы из зоны по постановлению ЦК КПСС -0,05 млР/ч, т.е. в двенадцать раз меньше, чем ошибка

измерения! Такую зараженность, при таком окружающем фоне, просто нельзя измерить. Арифметика и физика против политики ЦК КПСС!

Мое терпение лопнуло, команду: "В штаб Оперативной Группы, к Чернобылю!" Отъехали пару километров, велю сворачивать в поле, Серега посмотрел на меня с пониманием. Проехали пару километров в сторону от шоссе, команду: "Слушай боевой Приказ! Домой!"

Подъехав к колючке в чистом поле, наш бронник с разгона снес с проволокой еще и пару деревянных столбов ограды вокруг зоны. Мы перескочили через асфальт шоссе на Полесское и углубились в лес, БРДМ - классная машина в умелых руках! В автопарк заехали, когда уже начало темнеть.

Ставлю машину в парке, улаживаю формальности, а бойцы кидаются к столовой. Подхожу к ним. В столовой пусто, нет даже кусочка хлеба. Наряд колет поленья на завтра. Пытаю их, где хлеборез, где еда для моих бойцов, ведь должны были оставить, хотя бы консервы? Жмут плечами...

Бегу в штаб батальона в поисках зам. по тылу, говорят, что меня искали два майора. Ничего, майоры подождут. Вспомнил, что у меня есть НЗ - паек, который выдали в Белой Церкви, когда я ехал сюда, в этот "дурдом". Достая из вещмешка банку гречневой каши с мясом, пачку галет и банку сосисочного фарша. Пришло их время! Забираю бойцов от столовой, направляемся к их палатке. Кушаем на нарах среди портянок, передавая друг другу мой раскладной туристический нож с вилкой... Так не должно быть! Нас забыли...

Я ошибся, меня не забыли! Два майора, которые меня искали, оказались из военной прокуратуры.

Бреюсь перед встречей с высоким начальством. Утром я не успел, не до того было.

Смотрю в зеркало и не узнаю себя. И дело не в том, что на лице у меня - "чернобыльский" загар, необычного буро-сери-коричневого цвета. И не в том, что на почти черном от солнца и бета-лучей лице, белым пятном выделяются нос, губы и подбородок, укрываемые в Зоне под респиратором, а через щеки идет белая полоска, отпечаток резинки, просто – собака Баскервиллей в наморднике, разве, что в темноте не свечусь,.. пока!

Нет, в красных от бессонницы глазах появился блеск, блеск глаз сумасшедшего, готового на все мужчины.

Иду в Ленинскую комнату (палатку). Сидят два майора в черных кителях, со щитами в петлицах. Мне уже не страшно, мне ничего не страшно.

Приглашают присесть, сажусь на лавку с другой стороны длинного стола, прямо напротив них. Начинается вчерашняя бодяга с санитаром! Смотрю им прямо в глаза. Отвечаю им, как могу, корректно, а внутри, в который раз за день, начинает что-то закипать и klokотать.

Вдруг понимаю – они меня очень боятся! Я для них - прокаженный. Я – ОТТУДА! НА МНЕ ЗАРАЗА! ВНУТРИ МЕНЯ ЗАРАЗА! Я РАБОТАЮ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТАМ, ГДЕ ОЧЕНЬ РАДИОАКТИВНО И НЕ БОЮСЬ РАДИАЦИИ! В душе у меня внезапно возникло ощущение СВОБОДЫ, полной СВОБОДЫ.

Каждый день, работы в зоне освобождал меня от каких-то страхов, начиная от страха радиации и кончая страхом перед подчиненными и начальством. Это не я придумал, что человек свободен, когда не боится. Этих майоров со щитами я не боялся, а они меня боялись. Чувство свободы нарастало ежесекундно. Даже настроение стало подниматься. Пишу очередное объяснение.

Нудный разговор, "чего - почему". Все - под протокол. Внимательное прочтение моей объяснительной завершается выдачей бумажки.

На четверти листа типографским шрифтом напечатано, что я – "л-т Самойлов Е.А", (вписано от руки) получил предупреждение от прокурора – "ФИО" (вписано от руки), в том, что если допущу в дальнейшем халатное отношение к своим служебным обязанностям, выразившееся в – "переоблучении личного состава" (вписано от руки), то буду отвечать по законам военного времени, как военный преступник.

Я подписался смело, ведь хуже места, чем я работал тогда, в СССР просто не было! Дальше реактора все равно меня не пошлют, а я работаю там каждый день.

Когда формальности были закончены и все нужные документы были "высокими сторонами" подписаны, неожиданно сухой и официальный тон разговора изменился на доверительный и тихий, как на кухне.

Два испуганных человека спрашивали у "бывалого" воина:

"-Как там, очень радиоактивно?

-Это – опасно?

-А насколько опасно находиться в этой палатке?

-А главное – надолго это или нет?.. "

Отвечаю в порядке следования вопросов кратко: "Да, да, нет, да".

Обычная военная команда:"Товарищ лейтенант, Вы свободны!", в устах прокурора наполнилась особым смыслом...

Хоть и не хотелось, но принципиально иду в солдатскую уборную и сразу использую свой экземпляр "Прокурорского предупреждения" по назначению, зачем добру пропадать?! Я – СВОБОДЕН!

На планерку в штаб бригады я не успел. В штабе сажусь оформлять бумажки, пока никого нет. Осталось чувство долга перед простыми людьми, которые честно махали лопатами сегодня весь их длинный, радиоактивный день. А свобода для меня на сегодня - лягу раньше спать. Я очень устал, я валюсь с ног.

Ночь.

В штабе бригады печатают приказ. Лагерь спит, сквозь парусину слышатся тихие разговоры в штабе батальона. Он рядом, в следующем ряду за моей палаткой. А кругом храп, сопение, приглушенное бормотание и стоны. 25 бригада спит. Бойцы отдыхают. Завтра им работать в Зоне. Кто-то опять будет собирать вениками в ведра обломки графита и ТВЭЛов, чтобы затем высыпать их в развал 4 блока, кто-то снова будет поливать дороги вокруг станции из АРСов, кто-то поедет мыть дома в Припяти, кто-то поедет на разведку, кто-то будет строить разделительную стенку в машзале второй очереди...

Я тоже сплю, сплю крепко, настолько крепко, как только могу, и даже еще сильнее. Завтра я тоже поеду в Зону. Поеду на свою пристань. Я слышу эти разговоры в штабе, слышу распоряжения, я слышу все. Я сплю крепко и буду так спать, пока не услышу ожидаемое каждую минуту моего сна: "Позвать лейтенанта Самойлова!".

Тогда я начну просыпаться. Я проснусь не сразу, я буду ждать, пока новый дневальный, заглядывая в каждую офицерскую палатку, тихо будет звать: "Лейтенант Самойлов, Вас в штаб вызывают!". Наша палатка 3-тья, но я специально выкраиваю эти 2-3 минуты для себя, ведь это – мое время!

Во внутреннем кармане моего ОКЗК, рядом с документами лежит письмо от жены. Вчера вечером я не успел его даже распечатать. Но оно у меня есть, меня помнят, я нужен дома. Это меня согревает в моем крепком сне. Завтра днем, который наступит уже через минуту, полминуты, я его прочитаю.

Шуршание полога палатки, тихое: "Лейтенант Самойлов, Вы здесь? Просыпайтесь, Вас в штаб вызывают!". Неспешно одеваюсь. Завтра наступило.

P.S. Самое интересное, что историю про бойца, отошедшего в кусты по нужде и схватившего "огромную" дозу радиации, иногда рассказывают мне в больницах знакомые и незнакомые мне чернобыльцы, бывшие там, в разные годы.

Иногда, в их историях, он умирает в страшных мучениях, иногда получает лучевую болезнь. В первое время я спорил, рассказывал, как было на самом деле, но мне не верят – слишком все банально, а людям больше нравятся легенды.

А правда... В науке истории есть и правда, и неправда. Неправда связана, как правило, с сиюминутным, с политическим. А, правда связана с костями и трупами. Неправду, кому-то в угоду, иногда переписывают. Переписывают много раз. А кости и кровь человеческая остаются. Это - страшная правда науки истории.

Но, я всегда вспоминаю слова моего тестя, у которого в 37 расстреляли отца за то, что он был бухгалтером колхоза и у него был велосипед, а еще он был поляком в Украине, перед Великой войной. Страшную в своей абсолютной правде фразу произнес мой тесть – коммунист, сын репрессированного колхозного бухгалтера, мне – "демократу", когда начали реабилитировать репрессированных: "Пока вы роетесь в старых костях, кто-то шарит в ваших карманах"...

А моя правда теперь лежит в виде моих рапортов и объяснительных, лежит в архиве Министерства обороны, лежит в архиве КГБ, лежит в архиве Прокуратуры. Правда о том, как санитар ОБХРР, в пятнистой от хлорки зеленой форме, отошел посрать в двух километрах от развала ЧАЭС, на бережок старика возле Припяти, в мае 86 и облучился. А может быть, правда была совсем не в этом.

Не знаю, не помню, давно это было.

Глава 7. Удачный день Чернобыльская АЭС

Он появился из прозрачной черноты стеклянной двери административного корпуса и быстрым шагом направился ко мне. Снял замусоленную марлю респиратора, смачно сплюнул на бетонные плиты площади возле бюста Ленина.

Ты – Самойлов? - Спросил он,

«Я!»

-Сколько людей?

-115.

-Идем быстрее вовнутрь, нечего попусту «радики» ловить!

Я дал команду и под неодобрительным взглядом какого-то полковника, моя партизанская команда, ломая общий строй «25 бригады», направилась к пролому в заборе станции прямо через площадь, сокращая дорогу к первому энергоблоку.

-Шире шаг! –Это больше для часового с автоматом, который вдруг замаячил справа от пыльной тропинки, откровенно намереваясь помешать такому явному и наглому нарушению границы поста. ("Вчера Вас здесь не стояло" - промелькнула в голове старая одесская шутка). Толпа бойцов, запинаясь и семеня на бетонных осколках сломанного ИМРом забора (широкие следы лихих маневров тяжелой машины еще явственно угадывались на бордюре, а затем и на земле газона), матерно ускорила к огромному проёму транспортного коридора первой очереди станции. Я приветливо помахал рукой узкоглазому "ВВэшнику" в форме, которая оптимистично топорщилась складками неношенности, мол, чего уж там, свои люди, не беспокойся. Киргиз срочной службы приостановился, вздохнул, и придерживая левой рукой новый, без потёртостей АК-74 снизу за приклад, побрел обратно к комфортному новому стулу с мягким сидением, стоявшему в тени эстакады.

Перед распахнутыми створками железных ворот, через которые на станцию в железнодорожных вагонах завозят топливо, я попросил Сашку и Володю построить эту полувоенную орду партизан вдоль рельсов, чтобы проверить «наличие их полного присутствия» и войти под своды станции как подобает в первом приближении воинскому подразделению, выполняющему Специальное Правительственное Задание по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Старшему от станции мой военный запал не понравился и он попытался возразить, но я объяснил, что уже имею печальный опыт поиска отставшей пятерки орлов, среди сутолоки тысяч ликвидаторов в этом, имеющем циклопические размеры, здании...

Это случилось два дня тому. Я должен был, отвезти на станцию чуть больше 60 человек, для дезактивации воздухозаборников приточной вентиляции первого и второго энергоблоков. В помощь мне дали еще одного лейтенанта, у которого это был первый выезд в зону. На станции мы разделили личный состав пополам, я повел своих доделывать вчерашнюю работу в машинном зале. А старший от станции повел чернобыльского дебютанта на крышу второго реактора, предварительно объяснив мне, как их найти. Я расставил людей по местам, и объяснив им сущность обращения с ведрами, вениками и тряпками в условиях радиоактивного заражения, затем поднялся на отметку 61, где должен был командовать мой помощник. К своему удивлению я его там не обнаружил. Его люди работали сами, причем безо всякого

начальственного надзора. Работали на совесть, с азартом и бесшабашностью русского человека в условиях смертельной опасности! Они сами организовали учет доз облучения, и смену состава для недопущения переоблучения (разрешали (!!!) привозить из зоны не более 2 рентген). После поголовного пересчета обнаружилось, что не хватает еще 5 человек, о судьбе которых никто ничего не мог мне внятно сообщить. Единственно я выяснил, что они из батальона спецобработки, прибыли в Ораное только вчера, они из одного села и держатся, как овцы, всегда вместе. «Где он!», имея в виду офицера, в ярости возопил я. Мне объяснили, что от избытка нахлынувших новых художественных впечатлений окружающей действительности тонкая душевная организация этого «офицера» потребовала немедленного смыва радиоактивной пыли, чему он, бросив людей, и предался в АБК-2. Я кинулся на поиски...

Не нужно быть Сократом или Соловьёвым, чтобы понять, какой опасности подвергались люди первый раз попавшие на станцию, слабо ориентирующиеся в бесчисленных бетонных коридорах и застекленных эстакадах. Тем более, что без всякого труда, не выходя на улицу, можно попасть от стеклянных дверей центральной проходной прямо на развал аварийного блока! Мне стало не по себе от таких перспектив, тем более, что старшим команды был я и нес полную ответственность за жизнь и здоровье этих людей. Бог с ним, с лейтенантом, плевать! Он офицер, и может поступать как подсказывает ему человеческая совесть, но безответные рядовые! Их нужно найти немедленно.

Если учесть, что для усложнения опознавания большинство встречных почему-то надели на лица защитные маски не только всех систем, которые состояли на вооружении всех заинтересованных в аварии ведомств СССР, но и экспериментальные экспортные образцы, то задача обнаружения была явно нетривиальной. Меня отчасти тогда утешало только то обстоятельство, что я всё равно не знал разыскиваемых в лицо.

Я обнаружил их в транспортном коридоре без респираторов, сидящими на черных, плотного пластика мешках с мусором, который стаскивали со всего здания на площадку поворотного круга внутренней железной дороги первого реактора. Пятерка нервно курила, растерянно наблюдая за окружающей суетой. Их потерянный вид со всей очевидностью сказал мне: «Эврика! Нашел!». Я решительным шагом направился к ним. Они, рассмотрев нарисованные синей шариковой ручкой лейтенантские звезды на матерчатых погонах моего ОКЗК, встали. «Ваши фамилии? Кто старший? Почему здесь?». На такой поток вопросов, послышался сбивчивый, хриплый хор ответов 40 - летних отцов семейств, которые больше привыкли к сохе, чем к четкому стилю общения со старшими по воинскому званию. Некоторые из названных фамилий совпал с моим списком (правда мою фамилию они в этой викторине не угадали). Я включил прибор. 5 рентген в час весело сверкал один из мешков. «Давно сидите?»- спросил я. «20 минут» - радостно сообщил мне самый смелый. « $0,3 \text{ час} \times 5 \text{ р/час} = 1,5 \text{ р.}$ (не путать с рублями!) разовой дозы облучения. Осталось $2 \text{ р.} - 1,5 \text{ р.} = 0,5 \text{ р}$ до дневной нормы.», быстро решил я уравнения прокурорской радиационной безопасности. Не бойцы, но еще сегодня все равно Родине послужат!

Мы поднялись по внутренней лестнице на второй этаж и по эстакаде направились в административный корпус и обмыв сапоги в железном корыте, спустились в «бункер». В лицо ударило спертой духотой казармы. На длинных двухэтажных нарах, стоящих вдоль левой стены коридора атомного бомбоубежища, лежала отдыхающая смена дежуривших на станции бригад. Откровенно говоря, отдыхом здесь и не пахло, а очень сильно пахло убийственной смесью запаха ношеных портянок и сотен потеющих мужских тел! Лучше уж работать на относительно свежем (через респиратор) радиоактивном воздухе, чем так «отдыхать». Но народ с остервенелым упорством пользовался заслуженными часами перерыва между сменами работы в штреке под 4 блоком, в прачечной и т.д.

Я зашел в, заставленную ящиками с напитками, комнату дежурного по АЭС офицера, бодро и громко поздоровался и пока присутствующие в комнате капитан и лейтенант с интересом рассматривали меня, я со словами: «Где тут моя вчерашняя газировка?» открыл дверцу холодильника и взял с полки, заставленной различными газированными напитками, бутылку миргородской воды. Бутылка сразу покрылась холодными каплями в духоте помещения. Этому фокусу я научился у Шурки, который однажды был дежурным по станции.

Дежурные назначались на сутки из самых разных частей и люди не могли знать, кто и что оставлял в холодильнике вчера!

Не давая опомниться хозяевам комнаты, я обратился к капитану с просьбой выделить мне 7 ящиков с напитками. Опешив от таких аппетитов, капитан начал торговаться со мной. Сошлись на 1 ящике «Фестиваля», одном «Лимонада» и двумя минералки. Капитан записал меня в журнал расхода, где я и расписался. Поставив в холодильник пару бутылок на завтра, я вызвал из коридора пятерку вновь обретенных бойцов. Забрав ящики, мы выбрались из подвала и двинулись обратным путем в машинный зал первой очереди, поить виртуозов веника, тряпки и пластикового мешка - Героев Чернобыля.

Но это было позавчера, а сегодня со мной Шурка – мой однокашник по университетским годам, с которым немало было выпито, спето, обговорено и Володя, тоже выпускник нашего университета, комсорг нашего батальона. День обещал быть удачным.

Глава 8. Три самолета

БОРТ №...

Война началась неожиданно. Еще утром мы купались в море, а уже после обеда по Гудауте разъезжали "жигуленки" без номеров с небритыми боевиками. Примерно раз в час мимо нашего двора проезжало две - три таких машины набитые абхазцами к воротам воинской части. "Абреки" перелезали через ворота и кидались в казарму, где думали найти оружие. Слышался отборный русский мат с сильным кавказским акцентом. К этому времени уже в больницу отвезли Володю – прапорщика, которому рукоятью пистолета пробили голову за то, что в открытой им оружейке было пусто, а "защитники" Абхазии требовали указать место, где оружие зарыто! Но в этой части служили одни связисты и оружия там не было с 1989 года – года первого грузино – абхазского противостояния. Машины угнала самая первая партия мародеров. Остальные довольствовались разграблением оставшегося имущества. Тащили все: от противогаза до взрывпакета...

По улицам бегали 10-12 летние подростки и кричали, что у ракетчиков, возле вокзала на складе, еще есть гранаты в ящиках, а какой-то Батал успел стащить автомат и пару рожков с патронами.

Союз разваливался на глазах, еще полгода назад создание СНГ я воспринимал, как славянскую альтернативу аморфному СССР, но как я ошибся...

Теперь наглядно увидел, что надо, банально, спасти свою семью и себя любыми способами. Это не моя война.

Вечером, как всегда, смотрим "Время", чтобы услышать что-то обнадеживающее, а мимо окон летают трассеры...

Ранним утром 15 августа мы видели, как по морю медленно тащили баржи с грузинскими танками в сторону Гагры. К обеду их залпы были слышны со стороны Мюссеры. Эта канонада присоединилась к уже привычному грохоту со стороны Эшеры.

Все. Окружение. Как вывезти семью? Единственная возможность – Бамборский военный аэродром и санаторий ПВО в Гудауте. Пока люди из санатория плавали в море, я чувствовал себя в относительной безопасности, но 15 августа после обеда все изменилось. На аэродром стали один за другим садиться "Ил-76", а санаторский пляж опустел...

Бежим с тестем в санаторий. Находим измученного директора. Подполковник, с опухшими от бессонницы глазами, уже организует эвакуацию последней партии отдыхающих. С огромным трудом уговариваем его включить и мою семью в этот список. Нам коротко внушили, что если через 15 минут нас не будет на перекрестке ул. "Дружба" и ул. "Тарнава" чтобы перехватить на перекрестке автобус то... Бегу первый.

За этот 3х минутный кросс в шлепанцах я преодолел рекордную дистанцию от санатория до дома.

В минуту объясняю ситуацию жене. Молча, запихивает шмотки по сумкам. Через 3 минуты мы уже готовы. Запыхавшийся тесть заводит свою "четверку". Едем в сторону Бамборы.

На перекрестке пересаживаемся в автобус, вскоре проезжаем сквозь молчаливую толпу, желающих спастись возле шлагбаума территории авиабазы...

Садится очередной "Ил-76". По аппарелям съезжают танки. Долго стоим просто на бетонных плитах военного аэродрома возле огромного самолета, ожидая посадки. Над головами очень низко, с грохотом, раз за разом, пролетает пара "Мигов" прикрытия...

Наконец нас приглашают на посадку. Около 200 человек поднимается во внутрь абсолютно пустого корпуса самолета, люди садятся на корточки на площади двух волейбольных полей. Совсем некстати начинает плакать наша пятилетняя дочка. Жена очень грубо (наверное единственный раз в жизни) крикнула ей "Спи!" К моему удивлению ребенок моментально, тут же уснул и не открывал глаз, пока мы не приземлились в Крымске. Жене, как Матери с Ребенком выделили сидячее место на запасных шасси, а я, на корточках, как-то устраиваюсь рядом.

Перед взлетом один из пилотов подает клочок бумаги и шариковую ручку, чтобы каждый записал себя и своих близких на этот рейс НАДЕЖДЫ, чтобы можно было узнать, сколько погибло, если собьют...

А ведь всего год назад мы улетаели совсем по-другому...

САМОЛЕТ СЧАСТЬЯ

Я стою на волнорезе. В руках удочка. Время к закату... Море, как зеркало, а оранжевый воздух уже веет прохладой. И неважно, что я не рыбак, удочка с куском мидии на крючке – отличная наживка для морского окуня. Эта рыба на сковородке – самый изысканный деликатес. Неожиданно ощущаю на сгибе моих мизинцев на ногах легкую щекотку – маленькие крабики пытаются отщипнуть от меня кусочки моего тела. Их несколько десятков, размером с копейку возле каждой ноги, я боюсь пошевелиться, чтобы их не спугнуть. Лениво наползает на волнорез очередная, очень пологая волна, вдруг, совсем рядом, из моря вылетает полуметровая рыба, делает кульбит и громко шлепается об зеркало моря, за ней вторая, третья... "Лобаны играют" – тихо мне говорит тесть. Солнце почти коснулось недвижимой глади моря.

Время остановилось, а я, вдруг, физически ощутил СЧАСТЬЕ.

Несколько пойманных карасей, зажаренных тещей – наш прощальный ужин, завтра мы улетаем в Харьков...

Рейс задержали на несколько часов, вылетаем на закате солнца. Мое раздражение быстро улетучивается от раскрывшейся перспективы. Самолет рейса 7421 набирает высоту синхронно с закатом солнца. Его изумрудно-зеленый луч бил прямо в мой иллюминатор. Говорят, что это к счастью, увидеть это явление. Спиральный подъем поочередно открывает для меня или кремово-коричневые вершины Кавказа, или фиолетовое Черное море. Солнце село, горы исчезли, а море и побережье неожиданно засверкали яркими огнями кораблей и санаториев. У меня волосы дыбом встали от такой красоты. Я был опять счастлив. Все еще живы и здоровы. Неожиданно вспомнил другой полет...

БОРТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

21 июня, наконец, пришел транспорт с солдатами, и хотя уже около недели, как я сдал свой взвод моему сменщику, все мои просьбы к начальнику штаба отпустить меня не принимались во внимание. Опытных офицеров не хватало, и я даже пару раз съездил со своим сменщиком на станцию, чтобы показать ему, как надо работать старшим команды дезактивации. Дико болела голова, мучили приступы удушливого кашля по утрам и вечерам. А "Чернобыль" ни как не хотел меня отпускать. А тут еще эта изнуряющая духота, я ждал дождя, как спасения. Но к тучам подлетали самолеты, и они превращались в легкие облачка.

Долго бегаю с оформлением документов. В штабе бригады неожиданно узнаю, что меня назначили старшим по вывозу бойцов. Вечерело, когда вдруг хлынул дождь. Такой долгожданный и совсем мне не нужный теперь ливень.

Все документы оформлены, лагерь спит под дождем. Направляюсь к палатке, в которой прожил 36 дней, открываю полог и тихонько зову в темноту "Мужики! Мужики, до свиданья!" В ответ слышу только тихое сопение спящих друзей. По себе зная, как драгоценно для офицера это недолгое время его спокойного сна, как можно тише отхожу. Не попрощался...

Садимся в машины. Привычно проверяю "наличие присутствия" бойцов и сажусь в кабину ГАЗ-66. Как ни банально, выдаю гагаринское: "Поехали!"...

В Белой Церкви получаю свои гражданские вещи, и нас грузовиком везут на военный аэродром. На взлетной полосе стоит "АН-12" со следами сажи от двигателей на бортах. Бортмеханик озабоченно осматривает один из двигателей и во всеуслышание спрашивает у командира, выглянувшего из оконца: "Долетим?" После утвердительного кивка все садимся в самолет. Транспортник не приспособлен к перевозке пассажиров, но как-то устроиваемся, летим...

Нас выбросили посреди летного поля в Чугуеве. Мы прыгали прямо на бетон из транспортного люка в корме самолета. Самолет тут же развернулся и улетел, "развозя", как последняя маршрутка, наших товарищей в Донецк, а затем в Днепропетровск...

Осторожно отворяю дверь своей квартиры (признак - если не закрыто на ключ, то дома кто-то есть). Неслышно открываю дверь в нашу комнату.

Сидит на полу, сортирует какие-то вещи из шкафа, живот уже заметно округлился, на меня испуганный взгляд больших карих и таких любимых глаз. Вскрикивает, кидается ко мне, роняя на пол вещи. Обнимаю мягкое тело, жадно вдыхая ежевичный запах ее волос.

Я – дома. Я - вернулся. Все у нас впереди.

Вместо эпилога. Первый звонок

Ничто.

В Ничто нет звуков, нет света, просто нет ничего.

Ничто продолжается долго, секунду, минуту, час, век, кто оценит время в Ничто?

Вдруг, в Ничто появилось слабое движение. Движение само по себе, бестелесное движение. Движение в Ничто. Звуков нет, света – нет, есть только это слабое движение.

Ничто начало съеживаться, когда появился локоть. Локоть пытается упереться, но скользит и безвольно падает опять в Ничто. В месте с локтем падает в Ничто рука.

Что такое рука в этом безмерном Ничто? Это - Ничто! Но упрямый локоть опять пытается упереться по скользкому. И опять проваливается в Ничто. Локоть опять упирается и опять, соскальзывая, падает, но уже не в Ничто, а на твердь. Боли нет, нет звуков, а есть упрямый локоть, который пытается поднять груз, но не находит точку опоры.

Скользко в Ничто. Опять упор, напряжение и удар Головой о твердое. Локоть опять соскальзывает. Кто-то бьется головой о твердое. Упор локтем. Локоть скользит, удар Головой. Упор локтем, Локоть скользит. Удар головой.

В Ничто нет времени, чтобы посчитать число ударов головой. Кто-то бьется головой о твердое. Кому-то плохо. Кому-то, очень плохо.

Локоть, упор, скольжение и удар головы об унитаз.

Кому-то очень плохо!

Удар, еще удар!

Плохо МНЕ!

Сознание пришло внезапно. А, ведь, это я лежу возле унитаза в луже собственной мочи, и пытаюсь встать. Но локоть, уже изодранный кафелем в клочья, опять и опять скользит, а голова бьется об унитаз! Как мне плохо! Ничто свернулось мне в мозг дикой головной болью. Хочется блевать, но нет сил. Ничто все высосало...

Упираясь на ладони, встаю, ударяясь об унитаз и стенку туалета.

Я дома. Ночь. Я проснулся. Я вышел в туалет и упал в Ничто. Мне очень плохо...

Чтобы никого не пугать, обтираюсь мокрым полотенцем, переодеваюсь в сухое.

Прошло 3 месяца после моего первого облучения. Анализы крови показывали, что лейкоциты падают. 13 тыс в Ораном, сменились 1,5 тысячами к сентябрю 86 года в Харькове. И тогда, первый раз, ко мне пришло Ничто.

Я утром пошел в поликлинику рассказать о своей беде и участковый доктор тут же пишет мне направление в ХНИИМР (Харьковский НИИ медицинской радиологии) в стационар.

Долго бегаю по коридорам и этажам, сдаю кровь и мочу в баночке. Выстаиваю очереди в регистратуру за талончиком на прием к специалистам. СИЧ (счетчик излучения человека), терапевт, окулист, хирург. Моя карточка толстеет на глазах.

Невропатолог. Он принимает решение, нужна мне медицинская помощь на уровне стационара или нет.

На стуле с высокой спинкой сидит мужчина. Ему, на вид, около 60 лет. Сквозь очки презрительный взгляд.

-На что жалуетесь?

Рассказываю. Был в мае возле реактора, теперь упал в обморок, кровь плохая, голова болит.

В ответ слышу:

- Много вас тут ходит, я вас туда не посылал, обмороков я не видел, кровь восстановится, а голова болит, потому, что обувь у вас тесная! До свидания!

Короткая запись: "Патологий нет" в карточку и шлепок маленькой круглой печати.

Я машинально глянул на носки своих туфель и, непроизвольно, пошевелил пальцами ног. НИЧТО кинулось мне в голову кипящей кровью. Еле сдержался, чтобы не впиться пальцами в глотку этому самодовольному уроду. Задыхаясь, я выбежал из кабинета. Сердце выскакивало из груди от ярости и обиды.

Р. С. Первая кровь гражданской войны

Украинская власть перешла черту, которую нельзя переходить. Во время разгона мирной акции протеста в Донецке погиб человек. Толпа милиции ворвалась в лагерь голодающих уже 2-ю неделю чернобыльцев и свалила палатку в которой лежали обессиленные голодом люди. Очевидцы утверждают, что менты топтались по оказавшимся в ловушке инвалидам... Одного спасти не удалось, еще один оказался в реанимации.

Янукович объявил этот год годом чернобыльцев, теперь он нас убивает!

Осознание случившемуся придет позже.

Светлая Память невинно-убитому!

Пролилась первая кровь, и кто жертва? Ветеран труда, “дитя войны”, который в знак солидарности присоединился к мирной акции протеста чернобыльцев. Где это случилось? В Донецке. Это трагическое событие навсегда отсекает Партию Регионов от людей, которые строили и защищали это государство. Теперь власть принесла кровавую жертву своим богам, богам богатых. А остальные уже не могут ни на что, кроме подачек от граждан этого государства претендовать. Я не оговорился. Самый главный политический вопрос – вопрос о собственности. Поскольку, в Украине 60% национального продукта принадлежит сотне семей, а это не более 2000 человек, то и гордым словом Гражданин Украины к себя может назвать только эти 2000. Оставшиеся – электорат (быдло, рабы, крепостные, полубомжи). Теперь маски сброшены!

Милиция, и пожарные теперь по приказу могут затоптать инвалида, старика, ребенка просто так...

Любой нормальный человек гордится своими родителями, дедушками, пра..., пра... Но какое уважение у ребенка будет к родителю, если государство заставляет родителя становится на колени перед телекамерами в мольбе не отнимать у него, положенные по закону деньги, которые он годами высуживал в судах? Или, что хуже, государство затапывает дедушку накрыв тряпкой, только потому, что он солидарен с другими? Манкурт вырастет, человек не помнящий родства...

Эта смерть навсегда разделила поколения в Украине. Любые венки на могилах, памятных знаках, возложенные от имени власти Украины, теперь сродни осквернению этой могилы...

Самое печальное, что когда придет время старости людей, которые под присягой, то уже и их, другие пожарные и полиция (милиция) будет топтать для экономии бюджетных денег только для богатых. Проект “Украина”, как государство лопнул. Эту территорию можно брать голыми руками, нам, большинству живущих здесь, нечего защищать!

Потому, что у нас ничего нет, в том числе и Свободы!

Я - участник ЛПА май-июнь 1986, инвалид 3 группы, отвечаю за каждое свое слово здесь.